

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Изъ семейныхъ бумагъ С. Г. Воборыкина.

I

Указъ Петра I-го.

Ука камедату (Бе)логороскому.

Ка тебѣ вручи се ука копита поручи Капофъ то не мешка всѣ
потоны съ тѣлеги і мото оправъ снѣ х Киеву на довоны повода

Перъ.

I Смолеска въ 9 мата 1711.

На лисьмѣ помѣта: «Сей Великаго Государя указъ подавъ марта въ 15- день
капитанъ поручикъ Иванъ Козминъ сынъ Карповъ».

Примѣчаніе. Писано Петромъ на пути изъ Москвы къ польской границѣ,
предъ началомъ турецкой кампаніи, когда войска усиленно отправлялись на
югъ. Указъ писанъ на полулистѣ писчей бумаги. Въ словѣ: «Белгородскому»
двѣ первыя буквы читаются неполнѣ отчетливо, такъ какъ бумага значительно
пострадала отъ времени.

С. В.

II.

Письмо гетмана И. С. Мазепы къ С. П. Неплюеву.

Божію Милостію Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Го-
сударя Царя и Великаго Князя Петра Алезѣевича, всея Великія, и
Малія, и Бѣлія Россіи Самодержца, и Многихъ Государствъ и Зе-
мель, восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ, отчича и дѣдича, и
Наслѣдника и обладателя. Его Царскаго Величества Думному Дво-
рянину и Воеводѣ Сѣвсаго Разряду, и Намѣстнику Серпуховскому,
Господину Семену Протасевичу Неплюеву. Моему Ласкавому Прія-
телевѣ, зычливое мое препосилаю Поздравленіе.

За посѣщеніе листовное мнѣ учиненное, велце Вашей Милости дякую, и взаимне через сей мой листъ навѣщаючи Вашей Милости здорова, зычу оногъ якъ в' пренаимножайшіе лѣта з' приращеніемъ вслѣихъ желаемыхъ благъ и щасливостей занивати, и благополучнаго пребыванія ъзнавати. При томъ Мене не отемлемо Вашей Милости любительной пріязнѣ и доброму аффектовѣ навсегда отдаю. З' Батѣрина мая 3 року аѣ

Вашой Милости зычливы пріятель
Иванъ Мазепа Гетманъ
Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества
власною рукою.

Примѣчаніе. На большемъ листѣ писчей бумагѣ. На оборотѣ адресъ, повторяющій надписаніе письма до слова: «Неплюеву» включительно.

III.

Письмо в. в. Павла Петровича въ С. А. Неплюеву.

Павловское въ 26 Июня 1787.

Семень Александровичъ. Полку моего Маіоръ Рагозинъ, имѣя въ Орловскомъ Намѣстничествѣ тяжбное дѣло съ помѣщиками Львовыми, завладевшими беззаконно имѣніемъ Его, увѣдомилъ мѣна что вы о томъ извѣстны, но что насылаемые вами Карачевскому Суду по сему дѣлу предписанія, остаются безъ всякаго дѣйствія, а мѣжду темъ соперники Его пользуются имѣніемъ и причиняютъ Ему наглостію своею разореніе, то входя въ такое состояніе Маіора Рагозина, считаю за нужное просить васъ, чтобъ вы взяли дѣло сіе въ попеченіе онаго въ исполнительному решенію. За симъ прошу васъ быть увѣрену о чистосердечіи съ каковымъ я Есмь.

ванъ благосклонный
Павель.

Помѣта рукою С. А. Неплюева: «Имелъ счастье получить 9 ч. іюля; допосеніе в ответъ отъ 10 іюля отправлено по почтѣ.»

Примѣчаніе. Писано на листѣ бѣлой почтовой бумаги, съ водянымъ знакомъ и такою же подписью: С. Г. I. Nonig. Съ 1782 г. по 1792 г. С. А. Неплюевъ состоялъ правителемъ Орловскаго намѣстничества. 4-го ноября 1798 г., какъ видно изъ сохранившагося у С. Г. Боборыкина подлиннаго рескрипта императора Павла, С. А. Неплюевъ, состоя тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени.

Сообщ. С. Г. Боборыкинаъ.

Отъ Редакціи. Въ семейномъ архивѣ С. Г. Боборыкина кромѣ весьма обязательно сообщенныхъ имъ этихъ документовъ сохранилось еще нѣсколько интересныхъ историческихъ матеріаловъ и мы надѣемся, что почтенный владѣлецъ этого архива познакомитъ съ ними читателей «Русской Старины».

Ред.

Примѣры гласности въ царствованіе Александра I-го.

1802—1809.

I.

Въ началѣ 1802 года петербургское общество встревожено было загадочною смертію жены купца Араужо, славившейся своею красотою. Пошли разные слухи и неосновательные толки. Молодой государь, весьма еще тогда внимательный къ общественному мнѣнію, счелъ необходимымъ предать гласности результаты слѣдствія, немедленно назначеннаго по этому дѣлу. По высочайшему повелѣнію было напечатано на отдѣльныхъ листкахъ (въ 4-ю д., 4 стр.) и разослано по столицѣ слѣдующее:

Объявленіе. Въ С.-Петербургѣ, 30-го марта 1802 г. „До свѣдѣнія государя императора дошли разнообразныя слухи, разнесшіяся здѣсь по городу по случаю скоропостижной смерти жены купца Араужо, причиненной якобы насильственными, неистовыми, наглыми и невольными поступками генерал-лейтенанта Баура съ нѣсколькими сообщниками изъ офицеровъ. Его императорское величество, желая обнаружить истину, открыть преступленіе и, въ защиту человѣчества, предать виновныхъ, безъ всякаго лицепріятія, суду по законамъ, высочайше повелѣтъ соизволялъ полиціи проявственъ строжайшее о томъ изслѣдованіе. Во исполненіе чего учинены были обстоятельныя допросы всѣмъ причастнымъ и могущимъ имѣть какое-либо о семъ приключеніи свѣдѣніе, по коимъ открылось слѣдующее: жена бывшаго алушера, вдова баронеса Моренгеймъ показала, что госпожа Араужо, 10-го марта, пополудни въ 6-мъ часу, пріѣхала къ ней въ то самое время, когда находился у нее коллежскій совѣтникъ Торси, и пробывъ съ четверть часа, сказала, что имѣетъ исполнить еще какую-то комисію и возвратится попозже, къ чаю; и такъ уѣхала. Около осьми часовъ вечера, когда госпожа Моренгеймъ, съ собравшимися къ ней гостями, пила чай, вызвана она была дѣвкой своею въ другую комнату, гдѣ нашла госпожу Араужо лежащую въ обморокѣ; употребивъ различныя способы, достигли до того, что возвратили ей полное чувство; но говорить могла она токмо съ превеликимъ трудомъ и отрывистыми словами, требуя, чтобы ее раздѣли, чтобы дали чистое бѣлье, чтобы послали за докторомъ Бутацомъ, за ея каретою и дѣвкой; все сіе было исполнено, и потомъ, по требованію доктора,

повезена она домой, куда онъ ее самъ проводилъ. Между тѣмъ узнала госпожа Моренгеймъ отъ людей своихъ, что когда госпожа Араужо послѣ обѣда къ ней пріѣхала, то тотчасъ отпустила свою и уѣхала паки въ незнакомой каретѣ; наконецъ неизвѣстнымъ чело-вѣкомъ принесена въ домъ чрезъ кухню въ дѣвичью комнату. Дворовые люди баронесы Моренгеймъ, — дѣвка Матвѣва и слуга Матвѣевъ, утвердили во всемъ сіе показаніе, прибавя токмо, что чрезъ короткое время послѣ пріѣзда г-жи Араужо къ баронесѣ, пріѣхалъ неизвѣстный лакей съ четверомѣстною въ четыре лошади каретою, и, вызвавъ Араужо, подавъ ей записку не запечатанную, по прочтеніи коей, она велѣла своей каретѣ ѣхать домой, сказавъ, что пріѣдетъ въ Моренгеймовой, и вслѣдъ затѣмъ поѣхала въ той четверомѣстной; въ исходѣ же осьмага часа, когда неизвѣстный лакей, внеся ее въ кухню и положила больную, весьма скоро ушелъ, то ее рвало и на платьѣ были знаки прежней рвоты. По сему показанію отысканы были извозчики, крестьяне Алексѣевъ и Григорьевъ, которые объявили, что 10-го марта, послѣ полудни, часу въ 3-мъ, пришелъ къ нимъ на Волнскій дворъ чело-вѣкъ и подрадилъ четверомѣстную карету съ четырьмя лошадьми на остальное время дня; сѣвши въ карету, тотъ лакей велѣлъ ѣхать во дворецъ на маленькій дворикъ, къ подъѣзду его высочества государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, куда онъ и побѣжалъ, а часа черезъ полтора, вышедъ и ставъ позади кареты, велѣлъ ѣхать на Невскую перспективу, въ нѣмецкую церковь, къ г-жѣ Моренгеймовой; не долго побывъ, вышелъ съ какою-то госпожею, посади ее въ карету, и опять велѣлъ ѣхать во дворецъ къ тому же подъѣзду, у котораго они дожидались около трехъ часовъ; потому та же самая госпожа, вышедъ изъ дворца, будучи провожаема двумя лакеями и господиномъ со звѣздою, сѣла въ карету, а оба лакея стали за оною и велѣли ѣхать опять на Киришной дворъ, къ Моренгеймовой, гдѣ, высади ее изъ кареты, повели въ покои, но одинъ лакей, оставши на лѣстницѣ, ушелъ со двора пѣшкомъ, а другой, очень скоро возвратясь, велѣлъ опять ѣхать во дворецъ, откуда вынеся достальныя деньги, отпустилъ ихъ домой. Сіе показаніе, въ разсужденіи пріѣзда ихъ во дворецъ и отъѣзда оттуда, утвердилъ крестьянинъ Алексѣй, ѣдившій извозникомъ у адъютанта генерал-лейтенанта Баура, Шперберга. Камердинеръ государя великаго князя Константина Павловича, Рудковскій, сказалъ, что того же 10-го марта, вечеромъ, живущій у него вольный лакей Новицкій объявлялъ ему, что онъ видѣлъ какую-то больную женщину вели два лакея отъ господина Баура въ карету и онъ самъ ее провожалъ; на другой же день на спросъ о томъ Рудковского, Бауръ отвѣтствовалъ, что ему

рекомендовали француженку, которой, по приѣздѣ къ нему, сдѣлался обморокъ, вѣроятно не желая обнаружить фамилии Араужо, какъ давней его знакомой. Новицкій въ точныхъ словахъ подтвердилъ сказанное Рудковскимъ. Придворный лакей Богдановъ и истопникъ Хмѣльницкій, бывшіе при комнатахъ Баура, объявили, что дѣйствительно у г. Баура того 10-го марта была женщина, которую они считали за просительницу, и что тогда у Баура никого не было, кромѣ адъютанта его Шперберга; спустя же нѣсколько часовъ, не слыжавъ никакого спорнаго или громкаго разговора, какъ вдругъ узнали, что сей женщиной сдѣлалось тошно и рвало ее, послѣ чего проводили ее въ карету. Доктора Бутацъ, ле-Гро, Вейкартъ и штаб-лекарь Книперъ, пользовавшіе больную, письменно утвердили, что она была въ совершенномъ параличѣ, и что ни малѣйшихъ даже знаковъ насильства ей, яко-бы учиненнаго, примѣтить не могли. Жена стекольнаго фабриканта, вдова Шенфельдера, обмывавшая тѣло умершей, показала, что на ономъ не только знаковъ къ заключенію о насильственной смерти, ниже малѣйшаго пятна не было. Отецъ и сестра умершей на двукратное спрашиваніе объявили, что въ причинахъ къ насильственной ея смерти ни малѣйшимъ и сомнѣніемъ себя не беспокоятъ и поводу къ такому заключенію не имѣли.

Не довольствуясь сими, его императорскому величеству благоудно было, для точнѣйшаго отысканія истины и узнаванія источника и причины разнесшихся слуховъ, повелѣть генерал-прокурору вновь переслѣдовать все дѣло и, въ то же время, возвратиться сюда генерал-лейтенанту Бауру, отправившемуся къ должности. Подробное изслѣдованіе, генералом-прокуроромъ учиненное, повторенные допросы и побочныя развѣдыванія подтвердили во всѣхъ частяхъ вышепронисанныя показанія; а генерал-лейтенантъ Бауръ, по приѣздѣ сюда, генерал-прокурору учинилъ слѣдующее показаніе: будучи съ давнихъ лѣтъ знакомъ какъ съ госпожею Араужо, такъ и со всѣмъ домою отца ея, видѣлъ 8-го марта въ обществѣ, гдѣ она просила его дозволенія приѣхать къ нему, дабы попросить и посоветоваться съ нимъ объ устроеніи на будущее время жребія дѣтей ея; хотя же онъ предлагалъ ей тотчасъ вступить о томъ въ разговоръ, но она отозвалась за множествомъ людей, ихъ окружающихъ, дабы не навлечь на себя каковаго-либо подозрѣнія, и, назначивъ приѣхать въ понедѣльникъ, то есть 10-го марта, просила прислать за нею карету къ баронессѣ Моренгеймовой. Онъ, обѣдавъ въ тотъ день у себя въ комнатѣ съ секретаремъ Зингеромъ и инспекторскимъ своимъ адъютантомъ Шпербергомъ, при нихъ во время стола приказалъ своему камердинеру Бухальскому нанять карету въ четыре лошади; послѣ же, часу въ

шестомъ, послалъ его за госпожею Араужо къ баронесѣ Моренгеймъ; она по прїѣздѣ тотчасъ жаловалась, что правую сторону неудобно владѣть и что ей тошно, послѣ чего стало ее рвать; онъ въ крайнемъ смущеніи, употребивъ всѣ возможные ему способы оправить нѣсколько ея состояніе, и успѣвъ въ томъ, проводя ее самъ до кареты, отправилъ съ помянутымъ камердинеромъ и лакеемъ, по собственному ея требованію, обратно къ г-жѣ Моренгеймъ; по возвращеніи же камердинера, узнавъ отъ него, что при самомъ прїѣздѣ ея, на четвертой ступени крыльца стала она жаловаться о дурнотѣ, и что правую ногою не можетъ твердо ступить; почему требовала ее проводить за руку, что имъ и исполнено. Секретарь Зингеръ, адъютантъ Шпербергъ, камердинеръ Бухальскій и лакей Гейнрихъ, будучи въ учиненныхъ на нихъ ссылкахъ и показаніяхъ допрашиваемы, объявили во всемъ съ вышепрописаннымъ согласно; первый сказалъ даже, что, по возвращеніи его, въ восемь часовъ къ генералу-лейтенанту Бауру, видѣлъ онъ еще слѣды рвоты.

Но какъ всѣ сіи обстоятельства не открываютъ ни малѣйшаго слѣда къ оправданію вышепомянутыхъ слуховъ, то его императорское величество, желая обнаружить истину и подать сямъ способъ невиннымъ оправдаться, высочайше повелѣтъ соизволилъ, для третичнаго, еще подробнѣйшаго, точнѣйшаго и строжайшаго изслѣдованія всего дѣла, составить особую комисію изъ господъ генерала отъ инфантеріи графа Татищева, генерал-лейтенантовъ графа Апраксина и князя Волконскаго и генерал-маіоровъ Вердеревскаго и Ушагова.

А дабы истощить всѣ возможные способы къ достиженію преднамѣреваемой цѣли, то чрезъ сіе отъ лица монарха и именемъ святой правды, воззываются всякій другъ невинности и добродѣтели, всякій отецъ, мужъ и вообще всякій благомыслящій гражданинъ, имѣющій какія-либо основательныя свѣдѣнія, или же доказательства къ обнаруженію преступленія, или къ открытію источника, или причинъ основательности или неосновательности часто упоминаемыхъ слуховъ, да явится въ реченную комисію, или къ кому-либо изъ членовъ оной съ довѣренностію, внушаемою ему безаредѣльнымъ милосердіемъ государя и любовію его къ истинѣ, и да объявитъ безъ страха или какого опасенія по сущей совѣсти настоящую правду, вмѣняя себѣ въ награду спасеніе многихъ отъ подозрѣнія и исполненіе долга честнаго человѣка и гражданина.

II.

Выписка изъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей. Санктпетербургъ, 31-го августа 1809 г. Въ предостереженіе легковѣрности признается нужнымъ объявить, что съ нѣкотораго времени прилеж-

нымъ надзоромъ открыты и обнаружены здѣсь затѣи праздныхъ людей, старающихся для собственныхъ видовъ озаботить ложными слухами вниманіе публики. Отъ нихъ, въ разные времена, происходили разные нелѣпные толки, кои, покружась нѣкоторое время въ обществѣ, сами собою исчезли. Симъ изобрѣтателямъ былей и небылицъ всѣ происшествія служить предлогомъ къ страшнымъ предвѣщаніямъ. Возстанетъ-ли война въ предѣлахъ, отъ Россіи удаленныхъ? Они тутъ видятъ уже раздробленіе нашихъ провинцій, бунты, возмущенія, и есть-ли имъ повѣрять, то кажется война уже въ Петербургѣ. Одержана-ли войсками нашими побѣда? по рассказамъ сихъ добрыхъ патриотовъ, тутъ убитъ въ сраженіи Каменскій, а тамъ—Багратіонъ. Появится ли неприятельскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ? Кронштадтъ пылаетъ по слову ихъ, а Ревель обращенъ уже въ пепель. Но вышнихъ происшествій для нихъ не довольно; дѣятельность политическаго ихъ злословія объемлетъ всѣ предмѣты и обращается ко внутреннимъ. Тутъ открывается пространное поле новостей. „Сегодня выходитъ запрещеніе носить всѣмъ вообще фраки; завтра выйдетъ другое учрежденіе, еще болѣе стѣснительное; а первое сентября сего года непрежѣнно послѣдуетъ указъ, испровергающій всѣ отхошенія помѣщиковъ къ поселянамъ. Такой-то министръ или вельможа сильно тому противорѣчилъ, и за то впалъ въ немилость; а такой-то, напротивъ, сему содѣйствовалъ, и потому онъ въ силѣ“.

Если бы люди благоназвренныя знали истинные источники сихъ нелѣпныхъ толковъ, они стыдились бы быть орудіемъ злоназвренности и игралищемъ страстей для нихъ чуждыхъ.

Впрочемъ, правительству уже извѣстны и изобрѣтатели сихъ рассказовъ и побужденія, коими они движутся. Происшествія не одинъ разъ посрамляли ихъ пристрастіе; но время откроетъ еще болѣе, и тогда безъ пощады преданы будутъ имена ихъ всеобщему посмѣванію“.

Приведенная выше выписка была разслана губернаторамъ. Предъ нами циркуляръ, при которомъ одинъ изъ начальниковъ губерній, именно Слободско-Украинской, (Харьковской) Иванъ Ивановичъ Бахтинъ,¹⁾ разслалъ „выписку“, въ нѣсколькихъ печатныхъ экземплярахъ, предводителямъ дворянства.

Ред.

Циркулярно. Господину правящему должностъ Валковскаго уѣзднаго дворянства предводителя, Валковскому уѣздному судьи, коллежскому асессору Федору Дмитріевичу Васильковскому.

¹⁾ Отецъ достопамятнаго члена государственнаго совѣта Николая Ивановича Бахтина.

Изъ полученныхъ мною отъ его сіятельства г-на министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора и кавалера, нѣсколькихъ печатныхъ экземпляровъ списка статьи, напечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 31-го августа сего (1809) года подъ № 70, о разныхъ недѣльныхъ новостяхъ и свойственныхъ имъ толкахъ, разсѣваемыхъ, съ нѣкотораго времени, въ публикѣ праздными людьми, которые обратили на себя вниманіе правительства, я, въ предостереженіе по вѣренной управленію моему губерніи легковѣрности, въ разсужденіи того, что вѣдомости не всѣми получаютъ и до свѣдѣнія не всякого, кто можетъ читать и разсуждать, доходятъ, за нужное почелъ между прочими господами уѣздными дворянства предводителями, препроводить и къ вамъ, милостивый государь мой, три экземпляра и просить, чтобы вы, безъ всякаго впрочемъ кому-либо предписанія, постарались оные сколько возможно, подъ видомъ любопытной новости, сдѣлать извѣстнѣе господамъ дворянамъ Валковскаго уѣзда. Ив. Бахтинъ.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Контузія фельдмаршала Паскевича

1854 г.

Вечеромъ 21-го мая 1854 года былъ полученъ приказъ по войскамъ, осаждавшимъ крѣпость Силистрію, быть готовымъ къ выступленію на рекогносцировку, подъ начальствомъ самого фельдмаршала.

Я былъ врачомъ при 8-й легкой батарее 15-й полевой артиллерійской бригады, составлявшей, вмѣстѣ съ Люблинскимъ егерскимъ полкомъ, лѣвый флангъ арміи, расположенный на рѣбѣ или, лучше, оврагѣ Алмалуфъ, почти посрединѣ нашей окупаціонной линіи, вокругъ Силистріи. Отрядомъ командовалъ извѣстный всѣмъ генерал-лейтенантъ Хрулевъ.

День 22-го мая былъ пасмурный, вполне благоприятный для движенія арміи. Люблинскій полкъ, построясь въ баталіонныя каре, съ артилеріею въ интервалахъ, двинулся въ авангардѣ. Раньше нашего отряда прошли казаки съ превосходною во всѣхъ отношеніяхъ конною казачьею батареею, номера которой не помню. За ними шла и остальная армія, до 80-ти тысячъ, кажется, тоже построенная въ каре.

Черезъ часъ по выступленіи, справа, ближе къ укрѣпленію Абдул-Меджидъ, появились башни-бузуки, преслѣдуемые казаками и конною казачьею батареею, за которыми слѣдовали и гусары. Послышалась пушечная и ружейная не оживленная перестрѣлка, длившаяся не болѣе часа. Пѣхота во все это время двигалась безостановочно и была остановлена на крутой возвышенности берега Дуная, противополож-

наго тому, на которомъ былъ нашъ лагерь, по другую западную сторону Силистрии. Атака казаковъ и гусаръ имѣла результатомъ нѣсколько убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ баши-бузуковъ безъ всякой потери съ нашей стороны.

Этимъ дѣло кончилось. Войска были остановлены по обѣимъ сторонамъ оврага, на днѣ котораго лежала болгарская деревня Бабуекъ.

Фельдмаршалъ прибылъ къ арміи при началѣ движенія и все время находился верхомъ въ авангардѣ, распоряжаясь лично всѣми движеніями. Когда войска были остановлены, онъ объѣзжалъ передовыя линіи, окруженный штабомъ и конвоемъ. Удаленіе баши-бузуковъ подъ защиту крѣпости и наша неподвижность дали возможность туркамъ открыть артилерійскій огонь, хотя и безвредный по дальности разстоянія, но все-таки безпокойный: двадцати четырехфунтовыя ядра, навѣсно перекосетируя, ложились сзади и между нашими колоннами. Одно изъ такихъ ядеръ съ шумомъ упало въ 2, 3-хъ шагахъ отъ фельдмаршала, лошадь его испугалась и бросилась въ сторону. Уставшій старикъ вѣроятно упалъ бы, но, къ счастью, его поддерживали ѣхавшіе сзади конвойные. Вѣсть о происшествіи быстро распространилась по арміи. „Фельдмаршалъ контуженъ“ переходило изъ устъ въ уста скорѣе телеграфа. Вслѣдъ за событіемъ послышались крики: „доктора! доктора!“ Представителемъ медицины въ передней линіи былъ я одинъ съ батареиннымъ фельдшеромъ и лазаретною тележкой, называвшемся, не знаю почему, каретой. Прицѣпивъ лежавшую на всякій случай въ фурѣ шпагу, я направился на звавшіе меня голоса и увидѣлъ въ шагахъ 30-ти отъ моего передвижочнаго пункта лежащаго на коврѣ блѣднаго старика съ лицомъ, правда, усталымъ, но спокойнаго. Подошедшій ко мнѣ адъютантъ совѣтовалъ быть смѣлѣе. Фельдмаршала я видѣлъ въ первый разъ. Я спросилъ фельдмаршала, что у него болитъ. Онъ ласково отвѣчалъ, что „болитъ бокъ“, указывая на правую сторону грудной кѣтки. Бывши почти очевидцемъ происшествія, случившагося не болѣе какъ въ 50-ти шагахъ отъ меня и переданнаго съ первыхъ рукъ, я не находилъ нужнымъ изслѣдовать болное мѣсто и просилъ у фельдмаршала позволенія только растереть ему бокъ спиртомъ. „Хорошо, докторъ!“—былъ отвѣтъ. Смѣшавъ какъ можно скорѣе тинктуру арники, камфорный спиртъ съ небольшимъ количествомъ свиновой воды, я возвращался къ больному съ склянкой въ рукѣ, довольный этою временною ролью врача—замѣчательнаго человѣка. Фельдмаршалъ лежалъ уже обложенный со всѣхъ сторонъ подушками (?). Собравшіеся генералы и адъютанты (человѣкъ до 30-ти) образовали около него молчаливый кругъ. Меня со склянкой пропустили въ средину

его. Состояніе духа фельдмаршала было тоже, что и въ первый взитъ, но.... мои услуги на этотъ разъ не удостоились одобрения: когда я предложилъ растираніе, фельдмаршалъ, не взглянувъ на меня, сказалъ: „пошелъ прочь!“ что я и исполнилъ очень проворно. Возвратившись въ своей фурѣ, я засталъ тамъ штабныхъ врачей Гиршгофта и Москвина (теперь профессоровъ), прискакавшихъ съ перевязочнаго пункта, устроеннаго въ трехъ верстахъ отъ послѣдней нашей позиціи. Турки въ это время прекратили пальбу.

Фельдмаршалъ послѣ этой рекогносцировки уѣхалъ въ Каларашъ, потомъ въ Яссы и Варшаву. Войска поступили подъ начальство князя Горчакова.

Извѣстно, что фельдмаршалъ былъ горячимъ противникомъ перехода нашихъ войскъ за Дунай. Первымъ его словомъ по прибытіи въ армию, въ апрѣлѣ 1854 года, было неодобрение этого движенія. „Прежде нужно покончить съ австрійцами, а потомъ уже начать бить турокъ!“ говорилъ онъ при встрѣчѣ съ княземъ Горчаковымъ. Наглядными доказательствами апатіи фельдмаршала Паскевича къ начатымъ военнымъ дѣйствіямъ, служатъ: двухмѣсячное движеніе арміи отъ Мачия до Силистріи, блокада и осада Силистріи. Первое обстоятельство объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что мосты, построенные въ Измаилѣ, не могли быть доставлены раньше конца апрѣля къ осаждаемому городу. Медленность и своеобразность дѣйствій осаднаго корпуса, хотя и находятъ себѣ извиненіе въ желаніи фельдмаршала сберечь войска, тѣмъ не менѣе извиненіе это равносильно нежеланію его осадить Силистрію. Такъ съ 4-го по 20-е мая изъ 8, 9-ти верстнаго расстоянія между двумя изгибами Дуная, нашимъ укрѣпленнымъ лагеремъ было занято не болѣе 2-хъ верстъ. Остальное пространство охранялось казачьими и кавалерійскими разъѣздами, до того слабыми, что часто въ виду ихъ входили и выходили подрѣпленія и цѣлыя обозы съ провіантомъ для осажденныхъ. 20-го мая расширена окупационная линія еще на двѣ версты отрядомъ генерала Хрулева. Страдавшіе отъ бездѣйствія молодые офицеры-тактики, объясняли такую блокаду желаніемъ фельдмаршала „заманить Омер-пашу“. Осада Силистріи шла тѣмъ же путемъ. Траншеи противъ передовыхъ укрѣпленій начаты изъ далека, подвигались медленно; батареи вооружались полевыми орудіями. Осадными работами руководилъ (до раненія) старикъ инженер-генералъ Шильдеръ, который, браня не совсѣмъ вѣжливо фельдмаршала и князя Горчакова, отыскивалъ только мѣста траншей, веденныхъ имъ въ 1828 году, мало заботясь о настоящемъ положеніи дѣлъ. Тотлебенъ хотя и исправлялъ работи насколько могъ, но былъ не въ состояніи вполне ослушаться своего

начальника. Прямое вліяніе фельдмаршала на ходъ дѣлъ подѣ Силістрією доказывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что чрезъ нѣсколько дней по вступленіи въ командованіе войсками, князь Горчаковъ назначилъ штурмъ передовыхъ укрѣпленій, имѣвшій быть съ 9-го на 10-е іюня, 1854 г., но отказанный по случаю полученнаго разпораженія объ отступленіи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію (?), что происшествіе 22-го мая служило только предлогомъ къ выполненію, вѣроятно, давняго желанія фельдмаршала удалиться отъ дѣлъ, такъ какъ скачокъ лошади и паденіе ядра въ трехъ шагахъ не могли произвести не только контузіи, но даже обыкновеннаго легкаго ушиба. Медицинское пособіе требовалось только въ началѣ, при испугѣ, весьма натуральномъ, впоследствии же, послѣ отдыха, оно было уже излишнимъ.

Павлуцкій.

Отставной военный врачъ.

Г. Бобруйскъ.

Примѣчаніе. Мы всегда дорожимъ свідѣтельствами очевидцевъ о тѣхъ или другихъ историческихъ событіяхъ, хотя и эти свідѣтельства далеко не всегда неопровержимы и должны подлежать критикѣ. Такъ напримѣръ о разсказанномъ выше случаѣ—предъ нами выдержка изъ дневника другого очевидца, бывшаго въ свитѣ Паскевича:

«Ядро, пущенное изъ Абдул-Меджида, ударилося въ землю, осыпавъ нѣсколько фельдмаршала. Обожженная лошадь сдѣлала скачекъ. Кн. Варшавскій пересѣлъ на другого коня и подѣхалъ къ лѣвому флангу.

«Здѣсь всѣ слезли съ лошадей.

«Князь Варшавскій легъ на буркѣ—подали походный завтракъ....

«Фельдмаршалъ почувствовалъ боль въ боку и спинѣ.... отъ контузіи....

«Фельдмаршалъ не могъ сѣсть верхомъ и на дрожжахъ былъ отвезенъ въ Карарошъ.

«На другой день фельдмаршалъ лежалъ въ постелѣ.... На спину и къ боку его свѣлости ставили пивки и банки.... устроили особаго рода костыли....

«Черезъ три дня фельдмаршалъ выѣхалъ въ Яссы».

Желательно, чтобъ достоуважаемый составитель дневника, изъ котораго приведена выдержка, подѣлился имъ съ читателями «Русской Старины».

Ред.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.

Анекдоты.—Шутки и остроты.

Генерал-адъютантъ кн. А. С. Меншиковъ весьма извѣстенъ своими остротами ¹⁾. Однажды, явившись во дворецъ и ставъ передъ зеркаломъ, онъ спрашивалъ у окружающихъ: не велика-ли борода у него? На это, такой-же острякъ, генераль Ермоловъ, отвѣчалъ ему: „что-жь, высунь языкъ, да обрѣйся!“ Въ другой разъ великій князь Михайлъ Павловичъ сказалъ кому-то: „Если мы будемъ смотрѣть на лицо кн. Меншикова съ двухъ противоположныхъ сторонъ, то тебѣ будетъ казаться, что „онъ насмѣхается, а мнѣ—что онъ плачетъ“. Эта острота Ермолова и замѣчаніе великаго князя очень хорошо выражаютъ характеръ князя Меншикова.

Вотъ нѣсколько остротъ его, ²⁾

Въ 1834 году, одному важному лицу подарена была трость, украшенная брилліантами. Кто-то, говоря объ этомъ, выразился такимъ образомъ: „князю дали палку“.—„А я бы“,—сказалъ Меншиковъ,—„далъ ему сто палокъ!“ Нѣкоторые чиновники путей сообщенія, въ очень давнее время славились кражами и взятками. Князь Меншиковъ, возвратившись изъ одной поѣздки, рассказывалъ: „Ѣздивъ я въ Эстляндію и на дорогѣ, въ одномъ мѣстечкѣ, сдѣлался тяжело боленъ. Какъ христіанинъ, призываю священника, для исповѣди и святаго причастія. Священникъ, разспрашивая меня о грѣхахъ моихъ, между прочимъ, спросилъ, не беру-ли я взятокъ. Это изумило меня; однакожь я отвѣчалъ, что не беру. По выходѣ священника, и не могъ забыть его, страннаго для меня, вопроса. Между тѣмъ, я почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни. Приписывая это благодати Божіей, я на другой день опять послалъ за священникомъ, чтобы еще подкрѣпить себя его бесѣдою. Снова разговаривая съ нимъ и все помня вчерашній вопросъ его, я наконецъ рѣшился спросить, отъ чего онъ думалъ, что я беру взятки?

— Извините, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ смущенный священникъ,—вчерась я былъ обманутъ; мнѣ сказали, что вы генераль путей сообщенія!

¹⁾ Замѣтки эти писаны при его жизни, около 1857—1860 гг.

²⁾ Нѣкоторые рассказы о Меншиковѣ мы оставляемъ въ рукописи, какъ неудобные для печати.

Одинъ изъ трехъ братьевъ-богачей, полковникъ Лазарь Акимовичъ Л., потомокъ армянъ, женатый на принцессѣ курляндской, племянницѣ жены Таллейрана ¹⁾ любилъ хвастаться этимъ и часто повторялъ: мой дядя Таллейранъ, мой дядя Таллейранъ. Однажды онъ отпустилъ это хвастовство при князѣ Меншиковѣ.

— Ошиблись, — замѣтилъ ему Меншиковъ, — вы хотѣли сказать: мой дядя Тамерланъ!

Федоръ Павловичъ В*, достигшій чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должности товарища министра финансовъ, былъ вмѣстѣ съ этимъ, несмотря на свою наружность, большой волокита: гуляя по Невскому, и другимъ смежнымъ улицамъ, подглядывалъ подъ шляпку каждой встрѣчной дамѣ. Когда Федоръ Павловичъ, по отъѣздѣ графа Капгерина за границу, вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ и сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта, князь Меншиковъ рассказывалъ:

— Шель я по Мѣщанской и вижу—всѣ окна въ нижнихъ этажахъ домовъ освѣщены и у всѣхъ воротъ множество особъ женскаго пола. Сколько я ни ломалъ головы, никакъ не могъ отгадать причины иллюминаціи, тѣмъ болѣе, что тогда не было никакого случая, который бы могъ подать поводъ къ народному празднику. Подойдя къ одной особѣ, я спросилъ ее:

— Скажи, милая, отъ чего сегодня иллюминація?

— Мы радуемся, — отвѣчала она, — повышенію Федора Павловича.

Еще про него же, Федора Павловича, рассказывалъ князь Меншиковъ: „Вронченко ѣздилъ въ Царское Село, съ докладомъ, и по случаю праздника, былъ въ мундирѣ и въ лентѣ черезъ плечо. По окончаніи доклада, Федора Павловича спрашиваютъ: Куда ты теперь поѣдешь?

— Въ Петербургъ, домой, — отвѣчалъ Вронченко.

— Прямо-ли домой? — опять спрашиваютъ.

— Прямо, — отвѣчалъ Федоръ Павловичъ.

— То-то, — сказано ему: не ходи въ лентѣ къ дѣвицамъ, прежде заѣзжай домой и переодѣнься“.

Конечно, весь этотъ анекдотъ выдумалъ Меншиковъ.

¹⁾ Графъ Таллейранъ, Перигоръ женатъ былъ на внукѣ извѣстнаго при Аннѣ Иоанновнѣ герцога Эрнеста Бирона, а Л. А. Лазаревъ († 1871 г.) на правнукѣ того же герцога, племянницѣ жены Таллейрана. См. «Родосл. книгу» изд. «Рус. Ст.», стр. 67.

П* былъ очень высокъ ростомъ и неукладистъ. Меншиковъ называлъ его „трехполѣннымъ“.

М*, занимая важный постъ въ трехъ учрежденіяхъ, при поѣздкахъ по Россіи, какъ рассказывали, получалъ по всѣмъ этимъ учрежденіямъ прогоны. Меншиковъ называлъ его: „трехпрогоннымъ“.

Генераль Н. Н. лѣтомъ жилъ въ Павловскѣ, на дачѣ Позена. Меншиковъ, разговаривая съ нимъ объ этомъ, спросилъ его:

— Который флигель вы занимаете, правый?

— Нѣтъ;—отвѣчалъ тотъ, въ правомъ живетъ самъ Позенъ.

— Стало-быть лѣвый?

— И не лѣвый,—отвѣчалъ генераль,— тамъ живетъ Брискорнъ; я занимаю средній флигель.

— Стало-быть — сказалъ Меншиковъ — вы помѣщены какъ Иисусъ на Голгоѣѣ.

Нѣкому П*, въ 1842 г., за поѣздку на Кавказъ, пожаловали табакерку съ портретомъ. Кто-то находилъ неприличнымъ, что портретъ высокой особы будетъ въ карманѣ П*.

— Что-жъ удивительнаго,—сказалъ Меншиковъ.—Желають видѣть, что въ карманѣ у П*.

Министерство государственныхъ имуществъ создано по предначертанію гр. Киселева, отъ котораго ожидали, что онъ улучшитъ положеніе казенныхъ крестьянъ; но надежды не исполнились, и новое министерство, перепутавъ прежній порядокъ, само запуталось въ своихъ распоряженіяхъ. Въ 1842 г., противъ квартиры гр. Киселева, на Мойкѣ, у Почтамскаго мостика, построенъ былъ временной балаганъ, въ которомъ показывали панораму Парижа. На вопросъ, для чего построенъ этотъ балаганъ, Меншиковъ отвѣчалъ:

— Здѣсь показываютъ въ миниатюрѣ улучшеніе казенныхъ крестьянъ.

На графа Клейнмихеля возлагались чрезвычайно разнообразныя обязанности. Бывъ дежурнымъ генераломъ, онъ возобновлялъ Зимній дворецъ послѣ пожара, и потомъ ему подчинена была медико-хирургическая академія. На него же возложили устройство московской желѣзной дороги. Это возрождало многія остроты, и въ одномъ иностранномъ журналѣ писали, что возобновленіе Зимняго дворца поручено было доктору медицины Клейнмихелю; а въ Петербургѣ, при

каждомъ открытіи вакансіи важной государственной должности, тотчасъ носились слухи, что на это мѣсто опредѣленъ будетъ Клейнмихель. Его назначали, по народному слуху, и военнымъ министромъ, и министромъ внутреннихъ силъ, и шефомъ жандармовъ. Въ 1843 г. когда Клейнмихель былъ уже главноуправляющимъ путями сообщенія, умеръ митрополитъ Серафимъ. Слѣдя разговоры и предположенія о томъ, кто будетъ назначенъ митрополитомъ въ Петербургѣ, Меншиковъ сказалъ: „Вѣроятно назначать гр. Клейнмихеля“.

Въ 1843 г. военный министръ князь Чернышевъ былъ отправленъ съ порученіемъ на Кавказъ. Думали, что государь оставитъ его главнокомандующимъ на Кавказѣ, и что военнымъ министромъ назначенъ будетъ Клейнмихель. Въ то время Михайловскій-Данилевскій, извѣстный военный историкъ, заботившійся въ своемъ трудѣ о томъ, чтобы выдвинуть на первый планъ подвиги тѣхъ генераловъ, которые могли быть ему полезны, и такимъ образомъ проложить себѣ дорогу, приготовлялъ новое изданіе описанія войны 1813—1814 годовъ. Это изданіе уже оканчивалось печатаніемъ. Меншиковъ сказалъ: „Данилевскій, жалѣя перепечатать книгу, пускаетъ ее въ ходъ безъ передѣлки; но въ началѣ сдѣлалъ примѣчаніе, что все, написанное о князѣ Чернышевѣ, относится къ графу Клейнмихелю“.

Когда умеръ Михайловскій-Данилевскій, Меншиковъ сказалъ: „вотъ и еще баснописецъ умеръ!“

Левъ Алексѣевичъ Перовскій, съ самаго поступленія въ министры внутреннихъ дѣлъ, обратилъ на себя общее вниманіе многими распоряженіями, которыми онъ предупреждалъ голосъ и нужды народныя: онъ преобразовалъ полицію, ввелъ надзоръ за продажей съѣстныхъ припасовъ, постановилъ таксу даже гробамъ, старался истребить мошенниковъ, и проч. Меншиковъ рассказывалъ: „Иду я по Невскому. Вдругъ какой-то мальчикъ, указывая на шедшаго впереди меня челоуѣка, спросилъ меня: видишь-ли, кто это идетъ?“

— Вижу,—отвѣчалъ я.

— Да знаешь-ли, кто это?—продолжалъ мальчикъ.

— Знаю,—отвѣчалъ я,—это Перовскій.

— Ну, такъ дай мнѣ грошъ,—сказалъ мальчикъ.

— За что же?—спросилъ я его.

— За то,—отвѣчалъ мальчикъ, что я указалъ тебѣ челоуѣка, какихъ немного въ Петербургѣ.

Гр. Канкринъ, въ свободныя минуты, любилъ играть на скрипкѣ и игралъ очень дурно. По вечерамъ, передъ тѣмъ временемъ, когда подавали огни, домашніе его всегда слышали, что онъ пильтъ на своей скрипкѣ. Въ 1843 г. Листъ восхищалъ петербургскую публику игрой на фортепяно. Государь, послѣ перваго концерта, спрашивалъ Меншикова, понравился-ли ему Листъ?

— Да, — отвѣчалъ тотъ, — Листъ хорошъ, но, признаюсь, онъ мало подѣйствовалъ на мою душу.

— Кто-жъ тебѣ больше нравится? — опять спросилъ государь.

— Мнѣ больше нравится — когда графъ Канкринъ играетъ на скрипкѣ!

Однажды Меншиковъ, разговаривая съ государемъ и видя проходящаго Канкрина, сказалъ: — Фокусникъ идетъ.

— Какой фокусникъ? — спросилъ государь: — это министръ финансовъ.

— Фокусникъ, — продолжалъ Меншиковъ. — Онъ держитъ въ правой рукѣ золото, въ лѣвой — платину: дунеть въ правую — ассигнаціи, плюнетъ въ лѣвую — облигаціи.

Въ началѣ 1844 года Канкринъ слегъ въ постель. Многіе говорили, что это случилось не столько отъ болѣзни, сколько отъ того, что въ то время окончился срокъ арендѣ его, въ 70 т. р. с.; и государь, вмѣсто продолженія аренды, назначилъ ему только 30 т. руб. сер., ежегодно по смерти. Старикъ такъ долго хитрилъ, что ему ужъ перестали вѣрить. Въ это время великая княгиня Елена Павловна, при встрѣчѣ съ Меншиковымъ, начала съ нимъ разговоръ обыкновеннымъ вопросомъ: Не слышно-ли чего новаго?

— Приятнаго, — отвѣчалъ князь, — ничего не слышно; но если ваше высочество позволить доложить вамъ непріятную новость, такъ, говорятъ, Канкрину сдѣлалось лучше.

Но Канкринъ уже не обманывалъ. Старость и болѣзни такъ ослабили его, что онъ наконецъ выпросилъ себѣ отставку. Въ маѣ 1844 года назначенъ Вронченко статс-секретаремъ и управляющимъ министерствомъ финансовъ. Онъ былъ очень мнителенъ и въ важныхъ случаяхъ не зналъ, на что рѣшиться, потому составленъ особый финансовый комитетъ изъ предсѣдателя государственнаго совѣта кн. Васильчикова, члена того же совѣта кн. Любецкаго (полякъ) и статс-секретаря П* (потомокъ евреевъ). По этому случаю великій князь Михаилъ Павловичъ, увидавъ Меншикова, сказалъ:

— Слышалъ князь, министра финансовъ разбивали на мелкую монету?

— Теперь, ваше высочество,—отвѣчалъ Меншиковъ,—по крайней мѣрѣ извѣстно, чего стоитъ въ Россіи нѣмецъ—руссаго, поляка и еврея.

Необыкновенная энергія и быстрота въ исполненіи порученій, которыя возлагались на К*, тягостная и суровая для его подчиненныхъ, подала Меншикову поводъ выдумать слѣдующій разговоръ.

— Видѣлъ я во снѣ,—говорилъ Меншиковъ,—что во мнѣ явился чортъ и требовалъ меня къ сатанѣ. Я, не зная особенныхъ преступленій за собой, изумился, но исполнилъ требованіе: потому что съ чортомъ шутить нельзя. Посланный привелъ меня въ тартаръ.

— Ты водяной министръ у русскаго царя? возопилъ сатана.

— Тутъ я догадался, что должна быть ошибка и осмѣлился доложить сатанѣ, что у русскаго царя два водяныхъ министра; одинъ—морской, другой—рѣчной, вакого-жъ вашему высочеству, г. сатана, угодно?—„Рѣчнаго!!“—„Ну, такъ требуйте К*—онъ рѣчной“.

— Его-то мнѣ и надобно,—отвѣчалъ сатана и, страшно вскрикнувъ на посланнаго, который сдѣлалъ ошибку, призвалъ ему тотчасъ привести рѣчнаго министра. Вскорѣ является К*.

— Ты начальствуешь надъ прѣсными водами?—грозно спросилъ его сатана.

— Я,—отвѣчалъ трепещущій министръ.

— Такъ подавай мнѣ свою душу!

— Какъ душу? едва прозвнесъ отъ страха и изумленія К*. Какую душу? Во мнѣ,—отвѣчалъ онъ съ глубокимъ поклономъ, во мнѣ только усердіе все превосмогающее.

— Потомъ,—продолжалъ Меншиковъ,—я уже не помню, чѣмъ кончился этотъ страшный сонъ.

Въ 1848 году государь, разговаривая о томъ, что на Кавказѣ остаются семь разбойничьихъ ауловъ, которые для безопасности нашей было бы необходимо разорить, спрашивалъ:

— Кого бы для этого послать на Кавказъ?

— Если нужно разорить,—сказалъ Меншиковъ,—то лучше всего послать гр. Киселева: послѣ государственныхъ крестьянъ, семь ауловъ разорить—ему ничего не стоитъ!

Въ началѣ 18* г. въ петербургской крѣпости назначенъ новый комендантъ. По этому случаю Меншиковъ сказалъ: „Прежніе комен-

данты были, кто безъ ноги (Сукинъ и Крыжановскій), кто безъ руки (Скобелевъ), а нынѣшній—безъ головы“.

По окончаніи венгерской кампаніи, получили: одинъ изъ корпусныхъ командировъ дѣйствующей арміи, генералъ Ридигеръ—графское достоинство; находившіеся при государѣ въ Варшавѣ графъ Нессельроде и гр. Орловъ—портреты его величества и гр. Адлербергъ—Андреевскую ленту; а военный министръ кн. Чернышевъ, за распоряженія во время войны—титулъ свѣтлости. Вслѣдъ затѣмъ и гр. Клейнмихелю пожалованъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Меншиковъ сказалъ: „Ридигеру дана награда за кампанію, другимъ во время кампаніи, а гр. Клейнмихелю—для компаніи.“

Австрійцы дрались противъ венгерскихъ мятежниковъ, какъ и всегда, чрезвычайно плохо, и венгерскую кампанію окончили, можно сказать, одни русскіе. Въ память этой войны, всѣмъ русскимъ войскамъ, бывшимъ за границей и дѣйствовавшимъ противъ непріятеля, пожалована государемъ серебряная медаль, съ надписью: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!“ Меншиковъ сказалъ: „Австрійскій императоръ роздалъ своимъ войскамъ медаль съ надписью: „Богъ съ вами!““

Гвардія наша, въ венгерскую кампанію, ходила въ походъ на случай надобности, но остановилась въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, а когда война кончилась, возвратилась въ Петербургъ, не слышавъ и свиста пуль. Несмотря на это, гвардейцы ожидали, что и имъ раздадутъ медаль. „Да,—сказалъ Меншиковъ,—и гвардейцы получаютъ медаль,—съ надписью: Туда и обратно!“

Весною 1850 г. Меншиковъ былъ въ Москвѣ, когда тамъ находился государь. Разсуждая о храмахъ и древностяхъ Москвы, его величество замѣтилъ, что русскіе справедливо называютъ ее святою. „Москва дѣйствительно святая,—сказалъ съ смиреніемъ кн. Меншиковъ,—а съ тѣхъ поръ, какъ ею управляетъ графъ Закревскій, она и великомученица!“

Во время работъ по устройству петербурско-московской желѣзной дороги и постояннаго (Благовѣщенскаго) моста черезъ Неву, было много толковъ. Дорогу съ каждымъ годомъ обѣщали кончить, а между тѣмъ не видно было и конца работамъ. Мостъ дѣлали быстро, но рѣдкіе были увѣрены въ его прочности, и многіе опасались, что Нева,

рано или поздно, уничтожить труды человѣческіе. Меншиковъ, слушая разговоры о томъ и другомъ предпріятіи, сказалъ: „Желѣзную дорогу мы не увидимъ, но внуки наши увидятъ; а невскій мостъ мы увидимъ, да внуки не увидятъ“.

По увольненіи заболѣвшаго гр. Уварова отъ должности министра народнаго просвѣщенія, на его мѣсто назначенъ былъ князь Ширинскій-Шихматовъ. Кн. Меншиковъ сказалъ: „Ну, теперь министерству просвѣщенія дали шахъ и матъ!“

Вслѣдъ затѣмъ, въ товарищи кн. Ширинскому-Шихматову опредѣлили Авраама Сергѣевича Норова, путешественника по востоку и писателя, потерявшаго на войнѣ одну ногу. „Захромало министерство просвѣщенія,—сказалъ кн. Меншиковъ,—прежде оно ходило по крайней мѣрѣ на четырехъ ногахъ, а теперь осталось о трехъ“.

Меншиковъ всегда отличалъ тѣхъ изъ служившихъ въ его министерствѣ чиновниковъ, которые оказывали дарованія. Такъ черезъ него вышли Николай Ивановичъ Вахтинъ, въ государственные секретари, бывший потомъ замѣчательнымъ членомъ государственнаго совѣта, Фишеръ въ директоры департамента желѣзныхъ дорогъ. Въ 1849 г. изъ его же министерства взяты въ директоры общей канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Гвоздевъ. Хотя самъ министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій, чѣловѣкъ энергическій и даровитый, можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ министровъ, но онъ имѣлъ слабость не удалить нѣкоторыхъ старыхъ привязныхъ и взяточниковъ. Разумѣя этотъ составъ министерства, по опредѣленіи Гвоздева въ директоры, на мѣсто умершаго фон-Поля, Меншиковъ сказалъ: „Министерство внутреннихъ дѣлъ распалось; чтобъ увѣрнить его, я вколотилъ въ него гвоздь“.

Сенаторъ S. женатъ былъ, первымъ бракомъ, на Агаюклею Марковнѣ, рожденной П. Эта дама, что называется, бой-баба, въ домѣ держала все въ своихъ рукахъ, а въ городѣ слыла разнощицей пересудовъ и сплетней. Сколько не жаловала ее публика, видно изъ того, что по Петербургу, еще въ царствованіе императора Александра I, кто-то разнесъ глупую молву, будто Агаюклею Марковну будутъ съѣзъ кнутаомъ, и жители тысячами высыпали на зимнюю конную, чтобы видѣть экзекуцію. Но это народное мнѣніе не измѣнило нрава Агаюклеи Марковны, она продолжала быть распорядительни-

пей въ своемъ кругу, и особенно мужъ ея ничего передъ нею не значилъ, такъ что въ столицѣ больше знали Агаѳоклею Марковну, нежели сенатора S. Разъ, при выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, одинъ изъ пріѣзжихъ, не знавшій S., спросилъ у кн. Меншикова:

— Кто этотъ господинъ въ красномъ мундирѣ?

— Это,—отвѣчалъ Меншиковъ,— мужъ Агаѳоклеи Марковны!

Князь N. N. нѣсколько разъ подвергался такимъ болѣзнямъ, которыя очень рѣдко бывали въ мирѣ у другихъ и, почти всегда, означивались смертію. Тѣло его, особенно руки, покрывались лишаями, особеннаго рода, чрезвычайно злокачественными — и онъ вылезъ отъ этой болѣзни. Въ 1839 году его ѣли вши — онъ и отъ этой немочи излечился. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ мочевомъ пузырьѣ у него отдѣлялся сахаръ — и отъ этого вылезъ его. Въ 1852 г. въ немъ обнаружился сухой (старческой) антоновъ огонь, такъ что пальцы на ногѣ его мертвѣли, и отъ этихъ пальцевъ то сами отваливались, то медяками были отнимаемы косточки и куски тѣла; словомъ, онъ заживо разрушался, а все-таки не умиралъ. При разговорѣ въ одномъ домѣ объ этихъ чудныхъ явленіяхъ, многіе полагали, что жизнь N. N. находится въ опасности. Но князь Меншиковъ сказалъ:

— Нѣтъ, господа, онъ никогда не умретъ!

Разумѣется, начались вопросы: Какъ? отчего?

Меншиковъ продолжалъ: „Когда русскіе, въ 1814 году, вступили въ Парижъ, N. N. и я ходили къ Ленорманъ; она и инѣ что-то болтала, а N. N. предсказала, что онъ не умретъ, пока не сдѣлаетъ хотя одного добраго дѣла. Вотъ отчего,—прибавилъ Меншиковъ,—N. N. не дѣлаетъ добрыхъ дѣлъ, и не ждите, чтобы онъ когда-нибудь умеръ“.

Передъ окончаніемъ постройки петербургско-московской желѣзной дороги, Клейнмихель отдалъ ее на откупъ американцамъ, заключивъ съ ними контрактъ, самый невыгодный для казны и для народа. На основаніи этого контракта въ первый годъ (съ октября 1851 г.) американцы дѣлали поѣзды только по два, потому по три раза въ день и каждый поѣздъ составляли не болѣе, какъ изъ шести вагоновъ. Отъ этого повлажи купеческія лежали горами на станціяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а пассажиры, изъ простолюдиновъ, не дѣлѣ не могли получить билета въ вагоны третьяго разряда. Кромя того, американцы, раздробивъ слѣдующую имъ плату по верстамъ, обольстили Клейнмихеля конеечнымъ счетомъ, ибо съ каждой

версты они назначили себѣ по 1¹/₂ коп. серебр.; но изъ этого, по-видимому, мелочнаго счета выходила огромная сумма, такъ что всѣ выгоды остались на сторонѣ американцевъ. Въ февралѣ 1852 года, когда общій ропотъ, по этому случаю, былъ въ разгарѣ, прибылъ въ Петербургъ персидскій посланникъ, со свитою. Государь повелѣлъ показать имъ рѣдкости столицы, въ томъ числѣ и новую желѣзную дорогу. Сопровождавшіе персіянь, исполнивъ это порученіе, подробно докладывали, что показано ими, и на вопросъ его величества: все-ли замѣчательное показано на желѣзной дорогѣ? отвѣчали: все.

Меншиковъ, находившійся при этомъ, возразилъ:

— А не показали самаго рѣдкаго и самаго достопримѣчательнаго!

— Что такое?— спросилъ государь.

— Контракта, заключеннаго графомъ Клейнмихелемъ съ американцами,— отвѣчалъ кн. Меншиковъ.

Когда Вронченко сдѣлали министромъ финансовъ, и потомъ даже графомъ, устроенъ былъ купеческій пароходъ, названный: „Графомъ Вронченко“. Пароходъ вышелъ не довольно удаченъ, и ѣдившіе на немъ жадовались, что ходъ его очень медленъ. Во время толковъ объ этомъ, кто-то спросилъ князя Меншикова:

— Правда-ли, что новый пароходъ медленъ?

— На графѣ Вронченко далеко не уѣдешь,— отвѣчалъ Меншиковъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ опредѣленъ былъ управляющимъ экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ, но не долго удержался на этомъ мѣстѣ. Желая сдѣлать переворотъ, онъ удалялъ старыхъ чиновниковъ и измѣнялъ все, до него бывшее. Но, ломая старое, онъ не въ силахъ былъ ввести ничего лучшаго, а новые, имъ опредѣленные, чиновники, по неопытности, только путали дѣла.

Это вынудило министра финансовъ гр. Вронченко доложить обо всемъ государю и, для восстановленія порядка въ экспедиціи, самъ Нарышкинъ, въ исходѣ 1851 г., былъ уволенъ отъ должности управляющаго. Въ началѣ же 1852 года случилась неприятность съ сестрой Нарышкина, графинею Александрою Кирилловною Воронцовой-Дашковой. Всегда любезная, но рѣзкая и находчивая, она, бывъ въ Парижѣ, смѣло говорила противъ президента Людовика-Наполеона, оуждала его самоуправныя дѣйствія.

Послѣ того президентъ, увидѣвъ графиню на одномъ балу, спросилъ ее:

— Вы скоро оставите Парижъ?

— А вы принцъ? спросила она въ свою очередь президента.

На другой же день къ ней присланъ былъ паспортъ на выѣздъ изъ Парижа. По этому случаю кн. Меншиковъ сказалъ:

— Я нахожу большое сходство между Людовикомъ-Наполеономъ и графомъ Вронченко: тотъ удалилъ сестру изъ Парижа, а этотъ — брата изъ экспедиціи.

Между любимцами у гр. Вронченко былъ одинъ изъ петербургскихъ откупщиковъ, К*. За нѣсколько лѣтъ этотъ купецъ едва имѣлъ пять или десять тысячъ рублей, а лѣтъ черезъ шесть или семь, капиталъ его возросъ до шести милліоновъ. Впрочемъ, знающіе этого скороспѣлаго богача, отдають справедливость его торговому и промышленному уму. Особенно постигъ онъ питейную часть, и его совѣтами пользовался гр. Вронченко при введеніи акцизной системы въ питейныхъ сборахъ. Разумѣется, К* былъ въ сторонѣ, совѣтникомъ тайнымъ, а на видъ выставлялся министръ финансовъ. Собственно за это, но будто бы за какое-то пожертвованіе, очень незначительное, по ходатайству гр. Вронченко, К*, въ началѣ 1852 г., пожалованъ былъ въ комерціи совѣтники. При разговорѣ объ этомъ пожалованіи, кн. Меншиковъ сказалъ: „Графу Вронченкѣ ни почему тайные совѣтники: онъ изъ К*, своего тайнаго совѣтника, сдѣлалъ комерціи совѣтника!“

Въ исходѣ 1852 года, въ видахъ уменьшенія государственныхъ расходовъ, сокращены штаты почти во всѣхъ вѣдомствахъ службы и многіе чиновники должны были остаться безъ должностей. Вскорѣ послѣ того правительство озаботилось размѣщеніемъ этихъ чиновниковъ на открывающіяся вакансіи и оставило при нихъ, на нѣкоторое время, содержаніе. Но прежде, чѣмъ это сдѣлано было, участь уволенныхъ чиновниковъ возбуждала общее сожалѣніе, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ, съ многочисленными семействами, дѣйствительно, безъ помощи правительства, пошли бы по-миру. Въ это время кто-то спросилъ Меншикова, не слышалъ-ли онъ, что дѣлають оставшіеся за штатомъ чиновники? „Ходятъ съ шарманками,—отвѣчалъ Меншиковъ—да поютъ“

Въ морскомъ вѣдомствѣ производство въ чины шло въ прежнее время такъ медленно, что генеральскаго чина достигали только люди пожилые, а полнаго адмирала—весьма престарѣлые. Этими стариками наполнены были адмиралтействъ-совѣтъ и генерал-аудиторіатъ

морскаго министерства, въ память прежнихъ заслугъ. Естественно, что иногда въ короткое время умирали, одинъ за другимъ, нѣсколько престарѣлыхъ адмираловъ; при одной изъ такихъ смертностей, императоръ Николай Павловичъ спросилъ Меншикова:—Отчего у тебя часто умираютъ члены адмиралтействъ-совѣта?

— Кто-же умретъ? спросилъ въ свою очередь Меншиковъ.

— Да вотъ такой-то, такой-то... сказалъ государь, насчитавъ три или четыре адмирала.

— О, ваше величество, — отвѣчалъ князь — они уже давно умерли, а въ это время ихъ только хоронили!

Въ 1853 г. начались несогласія между дворами российскимъ и турецкимъ. Христіане, подданные Турціи, терпѣли разныя притѣсненія, и ключъ отъ храма Гроба Господня въ Иерусалимѣ, находившійся всегда у православныхъ, переданъ былъ въ руки католиковъ. По этому случаю государь, въ январѣ, отправилъ Меншикова въ Константинополь, чрезвычайнымъ посломъ. Его приняли тамъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ: на встрѣчу ему вышли патріархъ и духовенство греческіе, первые министры блистательной Порты, и по всей дорогѣ разставлены были войска турецкія. По его настоянію, смѣненъ былъ министръ, противудѣйствовавшій видамъ русскаго правительства; прекращены нападенія на христіанъ въ европейской Турціи, и султанъ показывалъ видъ, что исполнить всѣ желанія русскаго императора. Произведа такое сильное впечатлѣніе, кн. Меншиковъ обращался съ турками гордо, какъ посолъ монарха не просящаго, но повелѣвающаго. Для Меншикова сдѣланъ былъ смотръ войскъ; онъ выѣхалъ въ пальто съ хлыстикомъ; даже, изъ свиты его, молодой графъ Нессельроде былъ въ пальто. Съ этой небрежностью князь являлся на переговоры, когда первые чины дивана встрѣчали его со всѣми почестями. Между тѣмъ переговоры длились; султанъ изъявлялъ согласіе на все, но недоброжелатели Россіи, — англичане и французы, — принуждали его пускаться въ азіятскія хитрости. Среди этихъ колеблющихся переговоровъ Меншиковъ отправлялъ одного изъ своихъ чиновниковъ въ Петербургъ, съ донесеніемъ о положеніи дѣлъ. Выслушавъ наставленія князя, чиновникъ спросилъ, не прикажетъ-ли его свѣтлость еще что-либо сказать. „Больше ничего“, отвѣчалъ Меншиковъ, по обыкновенію морщась и грызя ногти „Развѣ прибавь, пожалуй, что я здоровъ, что часто ѣзжу верхомъ, что теперь объѣзжаю лошадь, которая попалась очень упрямая, и что лошадь эту зовутъ: Султанъ.“

Между тѣмъ дѣла запутывались, англичане и французы ввели свои флоты въ Босфоръ. Подстрекаемый интригами недоброжелателей нашихъ, и обнадеженный заступничествомъ ихъ, султанъ еще болѣе заупрямился, и дѣло приняло оборотъ неприличннй достоинству имперіи. Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя. Уже дѣлались приготовления къ войнѣ противъ Турціи; но какъ дипломатическія сношенія еще длились, то Меншиковъ, чтобы быть ближе къ турецкому Дивану, оставался въ Севастополѣ. Въ это время вездѣ и всѣ заняты были открытіемъ силы, по которой столы и другія вещи вертятся отъ прикосновенія рукъ человѣческихъ. Когда Меншикову говорили объ этомъ, онъ сказалъ: „У васъ вертятся столы, шляпы, тарелки, а отъ моего прикосновенія Диванъ завертѣлся!“.

Въ 1854 году Меншиковъ назначенъ былъ главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами въ Крыму. 2-го сентября англо-французскія войска, съ частію турецкихъ, сдѣлали высадку на берега Крыма и потомъ начали осаждать Севастополь. Въ одной изъ стычекъ нашихъ войскъ съ непріателемъ, казакъ притащилъ на арканѣ французскаго офицера. Этотъ офицеръ, явившись къ князю, жаловался, что казакъ билъ его плетью. Князь обѣщаль ему строго взискать съ виновнаго. Потребовавъ къ себѣ казака, главнокомандующій разспрашивалъ его, какъ было дѣло? Донецъ разсказалъ, что французскій офицеръ, во время битвы, три раза стрѣлялъ въ него изъ пистолета, но ни разу не попалъ; что за это онъ, накинувъ арканъ на плохого стрѣлка и притащивъ его къ себѣ, точно далъ ему столько же ударовъ плетью, сколько разъ тотъ прицѣлился. Князь расхохотался. Пригласивъ къ себѣ плѣннаго офицера, при немъ, обращаясь къ казаку, Меншиковъ началъ дѣлать ему самый строгій выговоръ, объясняя ему, что онъ обязанъ уваженіемъ и къ плѣннымъ офицерамъ, грозилъ ему сослать его въ отдаленныя мѣста и даже разстрѣлять. Все это князь говорилъ по-французски и казакъ, ничего не понимая, только моргалъ глазами. Съ гнѣвомъ подавъ знакъ рукою, чтобы казакъ вышелъ вонъ, князь обратился къ плѣнному и спросилъ его: доволенъ-ли онъ рѣшеніемъ? Французскій офицеръ низко кланялся и не находилъ словъ, какъ благодарить главнокомандующаго за правосудное рѣшеніе. По удаленіи плѣннаго, князь снова потребовалъ къ себѣ казака, благодарилъ его, уже по-русски, за храбрость и ловкость, и наградилъ Георгиевскимъ крестомъ.

Командованіе арміею не удалось кн. Меншикову, но умъ его не могъ и здѣсь не обозначиться. Въ первомъ сраженіи съ англо-фран-

пузами, на Альмѣ, гдѣ враги были вдвое многочисленнѣе и поддерживались флотомъ, онъ принужденъ былъ отступить, но прежде столько озадачилъ непріятелей, что они не осмѣлились преслѣдовать его, и прошли къ Балаклавѣ, мимо Севастополя, тогда какъ въ то время они могли бы легко взять эту крѣпость. Послѣдующее затѣмъ боковое движеніе его, для защиты Перекопа, къ Бахчисараю, сравнивали съ знаменитыми подобными движеніями великихъ полководцевъ прежняго времени. Въ сраженіи у Инкермана мы ничего не выиграли, но непріятель увидѣлъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, точно также, какъ Наполеонъ I увидѣлъ это послѣ бородинскаго сраженія. Прибавивъ къ этому затопленіе судовъ въ сѣверной бухтѣ и вооруженіе Севастополя, который, несмотря на непрерывную бомбардировку, укрѣпленъ былъ еще неприступнѣе, чѣмъ прежде, нельзя не согласиться, что Меншиковъ, сохранивъ, сколько возможно было, свою армію, совершенно разстроилъ мечты непріятелей—завладѣть скоро Севастополемъ и Крымомъ. Между тѣмъ войско ихъ изнурялось и гибло въ вылазкахъ, отъ болѣзней, голода и холода, такъ что англійской арміи почти не существовало. Но въ Меншиковѣ было много такого, что отталкивало отъ него. Всегда наморщенный и недовольный, онъ никого не дарилъ ни привѣтомъ, ни одобреніемъ. Солдаты почти не видѣли его; генералы и офицеры не получали никакихъ наградъ. Передъ сраженіями не было молебствій; послѣ сраженій главнокомандующій не объѣзжалъ поля битвъ, не выражалъ соболѣзнованій объ умершихъ и раненыхъ. Устраненіе его отъ мелочей казалось мелочнымъ людямъ недѣятельностію. Донесенія его, въ которыхъ онъ не хвалилъ ни себя, ни своихъ, и никогда не унижалъ враговъ, эти донесенія, которымъ отдавали справедливость и умные соотечественники и самые враги наши, были такъ коротки и сухи, что казались безсердечными. Словомъ, онъ не былъ и не умѣлъ сдѣлаться ни любимцемъ войска, ни народнымъ полководцемъ. Хотя изгнать непріятелей изъ Крыма, сначала по малочисленности нашей арміи, а потомъ по зимней распутицѣ, не было никакой возможности; но пребываніе ихъ тамъ, въ продолженіе (со 2-го сентября) болѣе пяти мѣсяцевъ, все относили къ винѣ его. И войска наши и жители Крыма, и большая часть русскихъ, наконецъ и самъ государь смотрѣли на Меншикова, какъ на полководца непредпріимчиваго и ненадежнаго. Въ январѣ 1855 г., ему наменули, что лучше, если онъ будетъ просить объ увольненіи его отъ командованія арміею. Надобно прибавить, что лѣтомъ 1854 г. англо-французскій флотъ (корабли три или четыре) подступалъ къ Соловецкому монастырю; но архимандритъ Александръ, съ братіей и инвалидной командой, отказались сдаться и непріятель

не взял монастыря. Услышавъ предложеніе удалиться, Меншиковъ сказалъ: „Если мной недоволены, то пусть пришлютъ сюда Соловецкаго архимандрита, съ монахами: они тотчасъ выгнали-бы неприятеля“.

Возвратясь въ Петербургъ, Меншиковъ жаловался, что въ его арміи, несмотря на безпрестанныя его требованія, пороху бывало такъ мало, что иногда небыло стрѣлять. Въ первые же дни посѣтилъ его кн. Д. Послѣ учтиваго, но сухого свиданія, Меншиковъ, проводивъ гостя, сказалъ другимъ посѣтителямъ: „Онъ пороху не выдумаетъ, порохомъ не окуренъ и пороху мнѣ не давалъ!“

Въ апрѣлѣ 1856 г., послѣ заключенія мирнаго трактата Россіи съ Англіей, Франціей и Турціей, по которому мы уступили блистательной Портѣ большой кусокъ Бессарабіи, со всѣмъ устьемъ Дуная, кто-то встрѣтася съ кн. Меншиковымъ, сказалъ:

— Съ которыхъ поръ я не имѣлъ чести видѣть вашу свѣтлость? Кажется болѣе мѣсяца! Сколько воды утекло!

— Эхъ, братецъ, давно, — отвѣчалъ Меншиковъ, — съ тѣхъ поръ цѣлый Дунай утекъ!

Случалось, что и Меншиковъ попадался на рѣзкій отвѣтъ. Одинъ французъ издалъ книжку на французскомъ языкѣ, въ которой описалъ одного русскаго князя, бывшаго посломъ въ одной изъ столицъ. Рассказывая о свиданіяхъ съ нимъ, этотъ французъ, между другими выдумками, говоритъ, что посольство встрѣчалъ его въ халатѣ. Надобно при этомъ вспомнить, что Меншиковъ, какъ ми видѣли выше, въ бытность посломъ въ Константинополь, велъ себя надменно, являлся къ министрамъ и даже на парады войскъ въ пальто. Быть можетъ это неуваженіе къ турецкому правительству было одною изъ причинъ неудачи посольства и войны противъ Россіи. Весной 185* тотъ князь, о которомъ повѣствовалъ французъ, получилъ высокій постъ въ Петербургѣ. Меншиковъ при встрѣчѣ съ княземъ сказалъ ему:

— Теперь будетъ въ ходу извѣстный халатъ.

— Но все не въ такомъ, какъ знаменитое пальто, — былъ отвѣтъ.

Пѣсня о сраженіи при Федукиныхъ горахъ.

Эта пѣсня была напечатана въ сообщеніи М. И. Венюкова по нѣсколькимъ спискамъ („Рус. Ст.“, 1875 г. т. XII, стр. 441—443). Настоящій списокъ представляетъ нѣсколько существенныхъ варьянтовъ и, кажется, болѣе точенъ, а потому мы считаемъ не лишнимъ, познакомить съ нимъ читателей „Русской Старины“.

Ред.

Какъ 4-го числа
Нашъ нелегкая несла
Горы занимать!
Горы занимать!
А нашъ Вревскій енаралъ
Къ Горчакову прискакалъ,
Тогда подъ шафе
Тогда подъ шафе:
«Князь, возьми ты эту гору,
Не входи со мною въ ссору —
Не то разсержусь!
Не то разсержусь!
Собирали на совѣты
Все большіе эполеты,
Да и Плацъ-Беккокъ!
Да и Плацъ-Беккокъ!
Полецмистеръ Плацъ-Беккокъ
Никакъ выдумать не могъ,
Что ему сказать!
Что ему сказать!
Долго думали-гадали
Топографы все писали
На большихъ листахъ!
На большихъ листахъ!
Чисто вписано въ бумагъ,
Да забыли про овраги,
Какъ по нимъ ходить!
Какъ по нимъ ходить!
Выѣзжали князья-графы
И за ними топографы,
На большой редутъ!
На большой редутъ!
Князь сказать: «ступай Липранди!»
А Липранди: «нѣтъ атанде!
Я, молю, не пойду!
Я, молю, не пойду!
Туда умнаго не надо;
Вы пошлите-ка Реада,

А я посмотрю!
 А я посмотрю!»!
 Вотъ Редь возьми, да спросту
 Поведи насъ прямо къ мосту,
 Ну-теа на уру!
 Ну-теа на уру!
 Веймарнъ плакаль, умоляль,
 Чтобъ немножко обождать:
 Нѣтъ ужъ, пусть идутъ!
 Нѣтъ ужъ, пусть идутъ!
 Енаралъ же Ушаковъ,
 Тотъ ужъ вовсе не таковъ:
 Все чего-то ждалъ!
 Все чего-то ждалъ!
 Онъ и ждалъ да дожидался,
 Пока съ духомъ собирался
 Рѣчку перейти!
 Рѣчку перейти!
 На уру мы зашумѣли,
 Да резервы не поспѣли
 Кто-то перевралъ!
 Кто-то перевралъ!
 А Бѣлевцовъ енаралъ
 Все лишь знамя потрясалъ,
 Вовсе не къ лицу!
 Вовсе не къ лицу!
 На Федюхины высоты
 Насъ всего взошли три роты,
 А пошли полки!
 А пошли полки!
 Наше войско небольшое,
 А французовъ было вдвое,
 И резерва нѣтъ!
 И резерва нѣтъ!
 Ждали выйдеть съ гарнизона
 Къ намъ на выручку колонна,
 Подали сигналъ!
 Подали сигналъ!
 А тамъ NN енаралъ
 Все акафисты читалъ,
 Выручать не шель!
 Выручать не шель!
 И пришлось намъ отступать

 Кто туда повель!
 Кто туда повель!

Сообщ. С. П. Сысоевъ.

Братья Василий и Ерофей Каржавины.

Въ предыдущихъ главахъ нашего очерка жизни и трудовъ Ѳ. В. Каржавина мы привели свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ представителѣ русскаго общества XVIII столѣтія, состояща изъ неизданныхъ дотогѣ рукописныхъ матеріаловъ. Нынѣ мы считаемъ необходимымъ дополнить наше сообщеніе указаніемъ на то, что уже появлялось въ нашей исторической литературѣ собственно объ отцѣ и дядѣ Ѳедора Васильевича Каржавина.¹⁾

Мы упоминали выше объ отцѣ и дядѣ Ѳ. В. лишь вскользь, настолько насколько это нужно было для поясненія біографическихъ замѣтокъ о самомъ Ѳедорѣ Васильевичѣ. Изъ печатныхъ документовъ можно извлечь слѣдующія добавочныя свѣдѣнія о нихъ. Отецъ Ѳ. В. Каржавина, Василій, и дядя его, Ерофей, были сыновьями ямщика Никиты Тимофеева Каржавина, торговавшего въ Лѣсномъ ряду, что у Покровскихъ воротъ, въ Москвѣ. Василій Никитичъ жилъ съ отцомъ и помогалъ ему по торговлѣ, потомъ занялся ею самостоятельно, торгуя въ Петербургѣ и Малороссіи кожевенными товарами (сапогами, козскими приборомъ, сѣдлами и проч.). Братъ его, Ерофей, жилъ въ ученіи у купца Дмитрія Васильевича Баскакова, извѣстнаго подъ прозвищемъ Троила. По смерти отца, братья поселились вмѣстѣ въ домѣ покойнаго, близъ р. Яузы, и здѣсь образовался притонъ всѣхъ старовѣровъ, скрывавшихся отъ преслѣдованій правительства, совершались требы бѣглыми священниками по древнему обряду, читались проповѣди, однимъ словомъ, братья Каржавины начинаютъ здѣсь дѣятельную пропаганду раскола и сносятся съ сектантами, бѣжавшими за границу въ Польшу, куда въ 1744 г.²⁾ братъ Ерофей отвезъ сперва сестру свою, потомъ и мать. При ближайшемъ знакомствѣ съ ученіями сектаторовъ, они или не удовлетворились имъ, или, можетъ быть вслѣдствіе разлада съ вожаками сектаторовъ (это по документамъ выясняется не вполне, хотя первое предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ) Каржавины прервали сношенія съ старообрядцами и Ерофей Никитичъ поѣхалъ безъ паспорта въ Парижъ учиться. Василій Никитичъ принялъ православіе и записался въ купечество при содѣйствіи графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и другихъ, и наживъ капиталъ, вошелъ въ сношенія съ иностранными купцами въ Польшѣ, Даніи и Англіи. Это заставило

¹⁾ См. Архивъ кн. Воронцова, кн. III, стр. 308—322; Сборникъ Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Академіи Наукъ, т. IX, стр. 408—424.

²⁾ Это указаніе мы заимствовали изъ доношенія на Каржавина, см. Арх. кн. Вор., кн. 3, стр. 309, пунктъ 5. Но по сравненіи съ письмомъ Вас. Ник. Карж. къ брату въ Парижъ отъ 15-го іюня 1753 г., въ Сборн. Акад., т. 9, стр. 411, оказывается тутъ какая-нибудь ошибка, потому что въ 1753 г. Каржавинъ былъ уже, судя по письму, въ Парижѣ.

его для торговых цѣлей ѣздить за границу и выучиться иностраннымъ языкамъ. Съ этихъ поръ выясняются нравственныя особенности братьевъ: Василій Никитичъ до конца жизни остается практическимъ дѣятелемъ по преимуществу; Ерофей Никитичъ этою дѣятельностью не удовлетворяется и ищетъ другой, болѣе славной; отсюда возникаютъ постоянные споры братьевъ, которые, несмотря на это, не расходятся совершенно. Василій Никитичъ поручаетъ брату сына и снабжаетъ его деньгами, не оставляя, впрочемъ, случая подсмѣяться надъ непрактичностью брата. Въ ихъ перепискѣ выясняются оба брата и ею-то мы воспользуемся главнымъ образомъ, чтобы ознакомить съ ними читателей.

Василій Никитичъ Каржавинъ, какъ мы сказали выше, оставался практическимъ дѣятелемъ до конца жизни; его практическое направленіе отражается на всемъ, начиная съ воспитанія сына. Онъ былъ увѣренъ, что сынъ такъ же легко можетъ получить образованіе въ Россіи,¹⁾ но послалъ его за границу, чтобы онъ лучше освоился съ иностранными языками; столь нужными при торговыхъ сношеніяхъ съ иностранными купцами, какъ онъ это узналъ на опытѣ; въ особенности заботился онъ, чтобы сынъ изучилъ французскій языкъ, котораго самъ Василій Никитичъ не зналъ, такъ что онъ, при перепискѣ на французскомъ языкѣ, прибѣгалъ къ посредію брата Ерофея, которымъ не всегда былъ доволенъ.²⁾ Въ тѣхъ же видахъ онъ чуть не въ каждомъ письмѣ къ брату проситъ его, чтобы сынъ писалъ ему письма на разныхъ языкахъ.³⁾ Затѣмъ онъ въ теченіи всей своей жизни старался направить брата и сына на практическій путь: первая убѣжденіемъ, второго, когда убѣжденія не дѣйствовали, силою родительской власти; онъ такъ и умеръ, не достигнувъ этой цѣли. Во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ по торговымъ дѣламъ, онъ сошелся въ Лондонѣ съ Петромъ Дементьевымъ, бѣжавшимъ изъ Россіи, и промышлявшимъ часовымъ мастерствомъ. Дементьевъ вѣроятно былъ старовѣромъ, скрывавшимся отъ преслѣдованій правительства за границей. Въ Лондонѣ призжалъ къ Василию Никитичу эмигрировавшій братъ его, Ерофей. Братья Каржавины сходились у Дементьева; дружественныя связи между ними поддерживались; главнымъ образомъ тѣмъ, что В. Н. Каржавинъ доставлялъ Дементьеву русскія книги и сообщалъ ему свѣдѣнія о Россіи, которыми Дементьевъ интересовался.

Дементьевъ умеръ въ Лондонѣ въ 1756 г.⁴⁾ Впрочемъ, эти дружественныя отношенія продолжались не долго. Они поссорились кажется изъ-за денегъ, въ которыхъ В. Н. Каржавинъ отказалъ Дементьеву.⁵⁾

Дементьевъ, желая отомстить Каржавинымъ, написалъ доносъ на обоихъ братьевъ и послалъ его въ Петербургъ, отъ 12-го мая 1756 г. Въ немъ Каржавины обвинялись во-первыхъ, во вредныхъ народному спокойствію замыслахъ про-

¹⁾ Онъ пишетъ къ брату Ерофею въ Парижъ отъ 23-го ноября 1753 г., между прочимъ, слѣдующее: «Я могу на будущую весну парнишка своего обратно въ Петербургъ взять и для наукъ опредѣлить въ академію; я нынѣ, получа отъ тебя письмо, съ обстоятельствомъ освѣдомился, что всѣми мѣрами стараются у насъ обучать; какого бы званія ни былъ, и ежели достоинъ будетъ профессорской должности, то отъ него не отымутъ».

Н. Д.

²⁾ См. Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 417.

³⁾ Эти дѣтскія письма О. В. къ отцу сохранились и достались мнѣ съ другими бумагами.

⁴⁾ См. Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 410.

⁵⁾ См. Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 411.

Н. Д.

тивъ верховной власти и въ неуваженіи къ верховнымъ сановникамъ государства и къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ лично, и во-вторыхъ, въ атеизмѣ. Что касается до перваго обвиненія, мы разберемъ его подробно, когда будемъ говорить, объ Ерофей Никитичѣ, который, главнымъ образомъ, вызвалъ его, худо понятными «доносителемъ», планами о своей будущности. Второе обвиненіе вызвано, опять-таки худо понятными сужденіями Василя Никитича о предметахъ вѣры, которые видимо имъ усилены, потому что изъ переписки съ братомъ вовсе не видно, чтобы Василій Никитичъ отвергалъ бытіе Божіе. Онъ не могъ сказать: «а подлинно Бога нѣтъ никакого», какъ говоритъ доноситель въ 12-мъ пунктѣ своего доношенія,¹⁾ когда въ письмахъ къ брату онъ пишетъ, напримѣръ: «хотя я давно, по приказанію св. писанія и естественнаго закона, пенсую наблюдать (чтобы быть господиномъ надъ страстями.)²⁾ и т. п. Наконецъ, доноситель, въ числѣ фактовъ, подтверждающихъ безбожіе Василя Никитича, приводитъ то, что онъ имѣетъ атеистическую книгу: «Молотокъ на камень вѣры».³⁾ Всѣ обвиненія доносителя въ безбожіи, по сличенію съ перепиской Василя Никитича, заставляютъ предполагать въ немъ лютеранскія понятія о вѣршнихъ обрядахъ церковныхъ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ нашей церкви, а не полное отрицаніе Божества вообще. Василій Никитичъ ненавидѣлъ всякія формальности, онъ жаждетъ напримѣръ, что служебныя формальности много докучали ему при прѣздѣ въ Кронштадтъ изъ-за границы. Такъ повзвалъ онъ на слѣдствіи по поводу запроса, на одно мѣсто письма къ брату отъ 11-го марта 1755 г. (см. Сборн. Авд., т. 9, стр. 418, примѣч. 1). На наши обряды и религиозныя обычай онъ смотрѣлъ также какъ на формальности, суевѣрно почитаемыя, что, между прочимъ, замѣтно и въ рассказѣ его о томъ, какъ жена его молилась Николаю угоднику и Богородицѣ и ставила имъ свѣчи (вѣроятно, во время его болѣзни), переданнаго въ 12-мъ пунктѣ доношенія Деметьева.⁴⁾ Въ рассказѣ этомъ, если откинуть очевидныя украшенія доносителя, приводится тотъ же основной религиозный взглядъ. Доносъ этотъ надѣлалъ много хлопотъ Каржавину, и дѣло было окончено только въ 1760 г., когда братъ Ерофей уже вернулся изъ Парижа и

¹⁾ См. Арх. кн. Воронц., кн. 3, стр. 312.

²⁾ Письмо изъ Спб. 4-го октября 1754 г. въ Сборн. Авд., т. 9, стр. 415.

³⁾ Камень вѣры написанъ Стефаномъ Яворскимъ противъ лютеранъ и кальвинистовъ; онъ былъ запрещенъ при Аннѣ Иоанновнѣ и вновь дозволенъ при Елисаветѣ. «Молотокъ на камень вѣры» написанъ съ цѣлію опровергнуть это сочиненіе Стефана Яворскаго; отвѣтъ на него: «Возраженіе на ласквилъ лютеранскій, нареченный молотокъ на камень вѣры, которой молотокъ показался бысть восковой, яко воскъ отъ лица огня, сирѣчь отъ слова Божія и самыя истинны исчезнувшій». Отвѣтъ этотъ Филаретомъ Черниговскимъ приписывается Арсенію Мацѣвичу (см. Ист. Русск. Церкви, періодъ V, М., 1869 г., стр. 56). Филаретъ говоритъ здѣсь также, что молотокъ на Камень Вѣры есть не столько разсужденіе о книгѣ Яворскаго, въ духѣ лютеранства, сколько грубая, не совѣстливая брань на Стефана и его защитниковъ, написанная кѣмъ-то изъ коротко знавшихъ Стефана. Митрополитъ Евгений (въ Слов. писат. духовн. чина ст. 2, стр. 259) сообщаетъ, что авторъ молотка на камень вѣры 15-ю статьями оспаривалъ книгу Яворскаго по лютеранскому умствованію, не кощадить ученій и обыкновений всей церкви Грекороссійской. Н. Д.

⁴⁾ См. Арх. кн. Воронц., кн. 3, стр. 311—312.

служилъ въ Россіи. Въ этомъ году В. Н. Каржавинъ былъ оправданъ окончательно.¹⁾

Ерофей Никитичъ Каржавинъ не такъ ясно опредѣляется по известнымъ документамъ. Единственные источники, изъ которыхъ можно почерпнуть о немъ свѣдѣнія, это—письма къ нему брата Василя Никитича,²⁾ и только одинъ отрывокъ изъ письма его къ брату, приведенный Дементьевымъ въ пунктѣ 19-мъ его доношенія.³⁾ Изъ этого отрывка видно, что, несмотря на споры и насмѣшки брата, онъ вѣрилъ, что, воспитавъ себя за границею, онъ достигнетъ своими способностями высшихъ должностей въ Россіи и возвеличитъ родъ Каржавиныхъ въ исторіи истинными заслугами и просвѣщенными трудами на пользу отечества. Для достиженія этой цѣли онъ просилъ брата не жалѣть средствъ. Когда Василій Никитичъ жаловался, что онъ много тратитъ денегъ, и приглашалъ его жить съ нимъ вмѣстѣ въ видахъ экономическихъ, Ерофей Никитичъ отвѣчалъ на это слѣдующее: «Послѣ риторики къ тебѣ притащуся и философію подѣй тебѣ прослушаю, а послѣ философіи, что дѣлать буду—не знаю; понеже въ Англии, Голландіи, въ Гданскомъ, въ Польшѣ,—послѣ риторики высокихъ наукъ (кромѣ математики) мало, а хотя и есть, то весьма немощны». Ерофей Никитичъ былъ такъ увѣренъ, что достигнетъ этой высокой цѣли, что отвергалъ убѣжденія брата, считая ихъ результатомъ невѣрнаго, исключительно практическаго взгляда его на жизнь и самодурства (неумѣнію быть господиномъ своихъ страстей). Онъ пишетъ ему: «Ты хотя теперь и 1,500 рублей имѣешь денегъ, да штой-то въ томъ хорошаго, когда роду человѣческому пользы никакой не сдѣлаешь и памяти по себѣ доброй не оставишь? Журавлевъ, Строгановъ, Демидовъ и больше тебя имѣютъ денегъ, но память ихъ вѣчна-ли, и въ исторіяхъ печатныхъ будетъ-ли поставлена», имя же государственныхъ людей въ родѣ Петра I и его помощниковъ: «бессмертное во всей Европѣ будетъ». Государственныхъ людей «при дворахъ императорскихъ и королевскихъ умные разговоры и о дѣлахъ государственныхъ разсужденій, всегда въ великомъ

¹⁾ Въ Арх. кн. Воронц. кн. 3, стр. 319—322, напечатано «къ его высочайшему титулу графу великому канцлеру отъ нижайшаго раба Василя Каржавина о российской комерціи въ европейскія государства предложеніе». Въ немъ онъ предлагаетъ учредить консульскія конторы въ Спб. казенную главную контору милліонахъ въ семи и, устроивъ ее, въ указываемомъ имъ въ общихъ чертахъ порядкѣ, покушать этой конторѣ и контрахтовать нужнѣйшіе русскіе товары, яко-то пеньку, желѣзо, ленъ, масло конопляное, клей и проч. Изъ сиб. конторы товары эти отправлять въ потребныя мѣста, въ конторы частныя, устроенныя отъ главной, въ Лондонѣ и Амстердамѣ и хотя небольшую контору въ Гамбургѣ, въ Ельзенерѣ для отправленія кораблей въ Зундъ. Также со временемъ слѣдуетъ завести конторы во Франціи, въ Гишпаніи, а со временемъ и въ Италіи. Далѣе онъ распредѣляетъ суммы между частными конторами. Затѣмъ совѣтуетъ отвозить товары на казенныхъ судахъ съ обыкновеннымъ платежемъ за фрахтъ, и не дозволять иностранцамъ покушать эти товары помимо конторъ; вывозить же прочіе товары имъ позволять не иначе какъ на казенныхъ судахъ, съ пошлиною и платою за фрахтъ. Когда же иностранная торговля въ Россіи разовьется, можно уничтожить предложенныя имъ конторы».

²⁾ Напеч. въ Сборникѣ Акад., т. 9, стр. 411—420.

³⁾ См. Арх. кн. Воронц., кн. 3, стр. 314—316.

⁴⁾ Мѣста, которыя Василій Никитичъ посѣщалъ по торговымъ дѣламъ.
Н. Д.

почтеніи и въ исторіяхъ печатныхъ не только въ Европѣ, но и на всемъ кругѣ земномъ, всегда пишутся и вѣчно писаться будутъ?» Это мечтаніе Ерофея Никитича о государственной дѣятельности съ дополненіемъ неблагопріятныхъ отзывовъ обоихъ Каржавиныхъ объ императрицѣ и ея окружающихъ, были перетолкованы Дементьевымъ и выставлены въ доказательство преступныхъ помысловъ ихъ и посягательствомъ на ниспроверженіе правительства. На самомъ дѣлѣ Василій Никитичъ, какъ видно изъ его писемъ, не очень-то довѣрялъ надеждамъ брата на его будущую государственную дѣятельность. Онъ своимъ практическимъ чутьемъ видѣлъ, что въ мірскихъ дѣлахъ еще мало того, что братъ его ищетъ въ ученіи, что въ нихъ нужна еще практическая смѣтка, которой Ерофею Никитичу не достаетъ. Относясь иронически къ исключительно отвѣченному взгляду брата на жизнь Василій Никитичъ, смѣется надъ желаніемъ его, — быть, какъ онъ говоритъ, Остерманомъ, и указываетъ ему на примѣръ Ломоносова: «Г-нъ Ломоносовъ не болѣе какъ пять лѣтъ тебя старѣ, изъ бѣдной самой фамиліи; никто о немъ для пищи не старался; всегда хлѣбъ самъ доставалъ и обучался самъ, 15-ть лѣтъ довольно имѣлъ. А нынѣ я признаю по крайней мѣрѣ 3,000 руб. и болѣе на годъ достаетъ; честию — аладеминъ совѣтникомъ; всегда при милости императорской. А ты, мой другъ, когда хочешь быть Остерманомъ, то будешь въ 125-ть лѣтъ». Василій Никитичъ съ своей чисто практической точки зрѣнія подозрѣвалъ, что братъ его въ сущности «французскій мотъ», желающій обмануть себя и другихъ громкими фразами о своихъ способностяхъ на великія дѣла. Онъ не довѣрялъ даже родственному расположенію брата, выражавшемуся въ письмахъ и упрямо отбивался отъ вводимыхъ братомъ обвиненій въ самодурствѣ. Такъ напримѣръ, онъ ему пишетъ: «Ты въ 28 № (письма) свою сердечную любовь ко мнѣ объявляешь. Правда, и я тому вѣрю, пока тебѣ во мнѣ нужда, то называть кровнымъ братомъ будешь, а когда Остерманомъ будешь, то и позабудешь... Ты меня учишь надъ страстями господиномъ быть, хоть я и давно, по приказанію св. писанія и естественнаго закона, тщуся наблюдать, однакожь за подтвержденіе и добрый совѣтъ твоей благодаренъ. Ты, другъ мой, со своими страстями какъ поступаешь? То-ли господинъ, что брата своего злословишь и бранишь, да такого, который почаль о тебѣ Бога ради, по крови, отечески стараться». Василій Никитичъ, подтверждая, что братъ его говоритъ громкія только фразы о самообладаніи, напоминаетъ Ерофею Никитичу, какъ онъ чуть-было не лишилъ себя жизни, потому что не получалъ долго денегъ изъ Россіи».¹⁾ Но Ерофей Никитичъ не могъ примириться съ практическимъ взглядомъ брата на жизнь, и когда тотъ называетъ «журавлемъ въ небѣ» его мечты о величіи, которое ожидаетъ его, Ерофей Никитичъ отвѣчаетъ на это: «Сей журавль, хотя и въ небѣ, но онъ на небѣ завсегда не летаетъ, случится что и на землю садеть». Впрочемъ, одно время онъ, стѣсняясь вѣроятно денежными средствами, хотѣлъ возвратиться въ Россію къ брату, но тогда дѣло ихъ по доносу Дементьева было еще не рѣшено, и возвращаться было страшно, а потому Василій Никитичъ удержалъ его за границей. Къ этому времени относится вѣроятно документъ, приведенный нами въ переводѣ, въ приложеніи къ замѣткѣ во 2 кн. «Русской Старины». Позднѣе онъ возвратился въ Россію, получилъ мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и выслужилъ чинъ офицерскій, съ этихъ поръ въ извѣстныхъ мѣстѣ источникахъ о Ерофѣѣ Каржавинѣ болѣе нѣтъ свѣдѣній.

Н. П. Дуровъ.

¹⁾ Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 415.

М. Т. Каченовскій, Н. А. Полевой и Н. Ф. Павловъ.

Съ 1825 г. Н. А. Полевой началъ издавать „Московскій Телеграфъ“. Новый журналъ свѣжестью мыслей и свѣденій, бойкостью пера и рѣзкостью сужденій скоро приобрѣлъ себѣ многочисленныхъ читателей, далеко оставивъ за собой всѣ тогдашніе журналы: Это возбудило непріязненность къ нему другихъ журналистовъ, въ томъ числѣ и М. Т. Каченовскаго, котораго „Вѣстникъ Европы“ уже гаснулъ, и только по временамъ едва-едва вспыхивалъ огонькомъ учености и науки. Но съ того времени какъ Полевой черезчуръ задѣлъ Каченовскаго, сказавъ мимоходомъ, что журналъ издавать не то, что порохокомъ торговать, старикъ сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ его.

— Не правда,—говорилъ Каченовскій,—вретъ онъ; порохокомъ торговали солдаты, а не я; меня напрасно привлекли къ этому дѣлу; я невинно пострадалъ! ¹⁾

Но умный Каченовскій не могъ не цѣнить таланта Полевого и иногда невольно отдавалъ ему справедливость. Разъ, во время лѣтнихъ ваникулъ, Каченовскій просилъ профессора И. М. Снегирева, который тогда былъ и цензоромъ, дать ему почитать что-нибудь, новенькое и интересное.—„Ученныя занятія,—говорилъ Каченовскій,—эти исторія да исторія, лѣтописи да лѣтописи, эти сухіе труды журнальные утомили меня; вѣтъ-ли у васъ чего-нибудь пріятнаго, легкаго, чтобы отдохнуть, освѣжиться хоть во время вакацій“.

Лукавый Снегиревъ далъ ему первую, огромную тетрадь повѣстей, впоследствии напечатанныхъ подъ названіемъ „Мечты и жизнь“, не сказавъ, что это сочиненіе Полевого.

Каченовскій, схвативъ тетрадь, сѣлъ на свои дрожки и поѣхалъ домой. Дня черезъ два, возвращая тетрадь Снегиреву, онъ говорилъ:

— Иванъ Михайловичъ! скажите Бога ради, что вы мнѣ это дали? Когда я вышелъ отъ васъ и поѣхалъ, я, сидя на дрожкахъ,

¹⁾ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій въ молодости былъ офицеромъ и однажды за какое-то послабленіе нижнимъ чинамъ въ незаконной продажѣ пороха попалъ на гауптвахту. Начальникомъ караула былъ Сергій Николаевичъ Глинка. Оба офицера познакомились; Глинка уже тогда интересовался отечественною исторіею и его вліяніе на Каченовскаго оказалось столь сильно, что Михаилъ Трофимовичъ снялъ мундиръ офицера и вступилъ на путь ученаго. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдователей въ области древней русской исторіи.

такъ, изъ любопытства, взглянулъ въ тетрадь прочесть страницы двѣ-три, чтобы только знать, что это такое. Первые же строки завлекли меня; читаю, читаю и не могу оторваться: чѣмъ дальше, тѣмъ любопытнѣе. Ъхалъ я отъ университета до моего дома около часа. Тутъ я не видѣлъ, какъ прошло время; вдругъ вучерь останавливается; не отрывая глазъ отъ тетради, я спрашиваю: что ты остановился? что ты не ѣдешь далѣе? Онъ отвѣчаетъ: мы уже приѣхали, и вотъ отворяютъ наши ворота. Мнѣ было досадно, что прервалось мое чтеніе. Я схожу съ дрожжекъ, иду, поднимаюсь на крыльцо и все читаю, да чуть-было не упалъ, оступившись. Вхожу въ комнаты, я все читаю; сажусь за обѣдъ, почти не могу ѣсть и все читаю; отобѣдалъ, помѣстился въ моемъ кабинетѣ и не вставалъ до вечера, пока ни прочиталъ всю тетрадь. Что это за рукопись, скажите, Иванъ Михайловичъ, кто сочинилъ ее? Какое знаніе людей, человѣческаго сердца, какое перо! Сочинитель, кажется, все сіе самъ испыталъ, самъ извѣдалъ всѣ бѣдствія и радости жизни! Описываетъ-ли онъ крестьянъ и бытъ ихъ, разставанье рекрута съ семействомъ; описываетъ-ли людей средняго сословія, общество высшаго круга — онъ пишетъ съ натуры портреты, какъ будто онъ самъ былъ и крестьяниномъ, и солдатомъ, и купцомъ, и чиновникомъ, и бариномъ! Кто сочинитель? Это талантъ, это талантъ! Бога ради, дайте мнѣ продолженіе и окончаніе; я хочу, я жажду все прочесть. Давно я не читывалъ такого сочиненія! Кто же это написалъ??“

Снегиревъ все молчалъ, и только тогда, когда Каченовскій истощилъ свои похвалы, сказалъ, что это сочиненіе Николая Алексѣевича Полевого.

Какъ только Снегиревъ выговорилъ это, Каченовскій вскричавъ: „мошенникъ!“ вскочилъ съ мѣста, бросилъ тетрадь на столъ и началъ ходить широкими шагами по комнатѣ. Лишь черезъ нѣсколько минутъ простыла кровь въ немъ. Немного успокоившись, онъ сказалъ:

— Но все-таки, Иванъ Михайловичъ, пожалуста, дайте мнѣ продолженіе; такъ и быть, я прочитаю до конца.

И онъ уѣхалъ отъ Снегирева, и по прежнему читалъ повѣсти Полевого и сидя на дрожкахъ, и у себя за обѣдомъ, и въ кабинетѣ.

Полевой также понималъ все, что было хорошаго въ Каченовскомъ, и уважалъ его. Узнавъ же о томъ, какое дѣйствіе произвело на старика чтеніе его повѣстей, онъ чрезвычайно жалѣлъ, что оскорбилъ заслуженнаго професора. Полевой искалъ случая помириться съ нимъ и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, если не совсѣмъ помирился, то нѣсколько сблизился съ нимъ и былъ остороженъ въ сужденіяхъ о немъ.

Во время примиренія рассказано было и то, какъ читалъ Каченовскій „Мечты и жизнь“, и то, какъ онъ, услышавъ имя сочинителя, вскричалъ: „мошеникъ“. Но Каченовскій сказалъ: „мошеникомъ-то я назвалъ Снегирева“!

Въ 1835 году напечатана была книга: „Три повѣсти“, сочиненіе московскаго писателя Николая Филиповича Павлова. Въ одной изъ этихъ повѣстей, подъ названіемъ „Ятаганъ“, описанъ юнкеръ, влюбленный въ благородную дѣвицу, на которой хотѣлъ жениться его полковой командиръ. Отъ этого начались преслѣдованія начальника, кончившіяся тѣмъ, что юнкера сначала лишили дворянства, а потомъ наказали шпиц-рутенами. Молодой человекъ, съ отчаянія, изрубилъ ятаганомъ своего начальника.

Какъ изображеніе служебныхъ преслѣдованій по личной враждѣ начальника и самоуправство подчиненнаго признано было неприличнымъ, то книга Павлова была запрещена. Между другими, объ этой книгѣ докладывалъ государю великій князь Михаилъ Павловичъ, съ такимъ замѣчаніемъ, что книга хороша, но сочинитель клевететь на службу. При этомъ В. А. Жуковскій старался оправдать Павлова. Государь долго не соглашался съ Жуковскимъ, потомъ спросилъ:

— Кто такой сочинитель?

Услышавъ, что сочинитель Николай Павловъ, государь сказалъ:

— Могу, господа, увѣрить васъ, что это не я.

Тѣмъ и кончилась гроза, висѣвшая надъ Павловымъ: каламбуръ развеселилъ Государя.

О матеріалахъ къ жизнеописанію гр. М. А. Милорадовича.

Въ 1873 г. издана мною книга «Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей», въ которой помѣщены біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ членахъ этого рода, а о графѣ Михаилѣ Андреевичѣ сказано только нѣсколько словъ.

Имѣя въ виду, въ настоящее время, составить полное жизнеописаніе гр. Михаила Андреевича, я предварительно предпринялъ собрать по возможности всѣ письменные памятники его дѣятельности.

Полагая, что многія бумаги и письма хранятся у потомковъ тѣхъ лицъ, съ которыми гр. Михаилъ Андреевичъ находился въ сношеніяхъ, я, чрезъ весьма обязательное посредство ред. «Русской Старины», прошу владѣльцевъ бумагъ и писемъ гр. Милорадовича, доставлять мнѣ оныя въ подлинникахъ, каковыя будутъ возвращены мною во всей цѣлости, по снятіи съ нихъ копій. Кто же пожелаетъ уступить и самыя подлинники, тѣхъ прошу заявить свои условія.

Адресовать прошу письма: въ Петербургъ, у Поцѣлуева моста, домъ Фитингофа, флигель-адъютанту Его Величества, графу Григорію Александровичу Милорадовичу.

Гр. Г. Милорадовичъ.